
Ольга Ярошинская
На пересдачу.
Кэсси Рок!
Попытка 1

На пересдачу, Кэсси Рок!

Ольга Алексеевна Ярошинская

Аннотация
Ольга Ярошинская. На пересдачу, Кэсси Рок!
Глава 1. Три дня до зачета
Глава 2. Зови меня Жозефина
Глава 3. Кровавая история
Глава 4. Ошибки прошлого
Глава 5. Два дня до зачета
Глава 6. Последний день
Глава 7. Зачет
Глава 8. Тут все и решится

Аннотация

В учебе как в любви — все средства хороши. Вот я и использовала древний артефакт, чтобы иметь пространство для маневра. Если вдруг не сдам сессию — вернусь в прошлое и попробую еще разок.

Но мастер Гроув не только завалил меня на зачете по боевке, но потом еще взял да умер в когтях случайного некроса.

Так не пойдет! Сперва поставьте зачет, мастер Гроув!

Ольга Ярошинская
На пересдачу, Кэсси Рок!

Глава 1. Три дня до зачета

— Обещайте, что вы меня не отчислите, — потребовала я.

На жестком лице Честера Гроува промелькнуло злорадство. Явно ведь понадеялся, что получит повод выставить меня из академии вон. Обещать он, разумеется, ничего не стал. Только поднес к губам чашку кофе и аккуратно отпил.

— Я жажду подробностей, Кэсси, — сказал мастер Гроув, вернув чашку на блюдце.

В застегнутом на все пуговицы жилете, белоснежной рубашке, с галстуком-бабочкой и ровной ниткой пробора в густых волосах он напоминал матерого волка, которого причесали и надушили, да еще повязали на холку бантик в тщетной попытке выдать за дружелюбного лабрадора.

— Я запустила колесо времени, — призналась я на одном духу.

Мастер Гроув хмыкнул и откинулся на спинку кресла. Колючие голубые глаза сузились, рассматривая меня с недоверчивым любопытством.

— Ты. Кассандра Рок. Третьекурсница, не подающая особых надежд, уж прости. Использовала

древний артефакт из хранилища академии, — перечислил он. — Как бы тебе это удалось? Там день и ночь стоят стражи некроса.

— Как вы несомненно знаете, мастер Гроув, в первый луч рассвета есть секунд десять, не меньше, когда некрос слабеет.

— Выходит, ты успела активировать древний артефакт еще до завтрака? Похвально. Но мне также известно, что колесо охраняется мытарем, привязанным к нему сложным посмертным ритуалом. Ему этот рассветный луч до фонаря. Ты лжешь, Кэсси, и я пытаюсь понять — зачем. Надеешься, что я увлекусь приключением с древним артефактом и поставлю тебе зачет? Не выйдет!

Я потеребила край юбки и подняла на мастера взгляд.

— Я с ней договорилась.

А подробностей он от меня не дождется.

— С ней? — с нетерпеливым раздражением повторил он.

— Колесо времени охраняет женская душа, очень несчастная, — торопливо пояснила я. — Слегка надоедливая из-за вынужденного заточения, но в целом милая.

Мелани согласилась помочь, потому что мне удалось задеть ее за живое — не так это просто, ес-

ли учесть, что она мертва лет триста, не меньше.

— В общем, мы с ней поладили, — продолжила я, воодушевленная молчанием Честера Гроува. — Она помогла мне использовать артефакт. Я сперва запуталась во всех этих стрелках.

— А зачем тебе вообще это понадобилось?

Его пристальный взгляд прожигал меня точно утюг, так что я вскочила со стула и принялась нервно ходить туда-сюда. И ведь я даже не вру! Так, не договариваю…

Преподавателю боевых искусств не часто приходится сидеть в кабинете, и, видимо, по этой причине мастеру Гроуву выделили каморку три на четыре, особо не развернешься. Шкаф, рабочий стол, удобное кресло и неудобный стул для посетителей, да еще узкий диван у стены, вдоль которого я и нарезала круги. Аромат кофе пропитал комнатушку насквозь, а на стене мерно тикали круглые часы, отмеряя время, которого оставалось все меньше.

— Вы же поставили целью завалить меня на этом зачете, — укоризненно сказала я.

Ходили слухи, что Честера Гроува выперли из спецслужб за какое-то вопиющее нарушение правил, однако в академии он успел заработать репутацию въедливого, скрупулезного и дотош-

ного до ломоты в зубах препода. У меня так точно от него зубы сводило — стоило лишь вспомнить, с каким небрежным высокомерием он срезал меня на зачете.

— Раз уж ты собралась идти на боевку, то будь готова к трудностям, Кэсси, — назидательно произнес он. — Хотя на мой взгляд, тебе стоит выбрать другую специализацию. Целительство, бытовая магия, артефакторика… Что-нибудь более мирное.

— Почему бы не позволить мне самой решать, где я хочу учиться? — полюбопытствовала я.

— Боевка не для тебя, — отрезал мастер Гроув.

— Вот поэтому я и решила обеспечить себе возможность пересдачи, — пояснила я, остановившись и опершись ладонями о его стол. — Потому что была уверена, что вы из кожи вон вылезете, лишь бы не пустить меня на свой факультет!

Он даже не стал со мной спорить.

— Так и случилось, — добавила я. — Плетения Кулькаса мы не проходили.

— Я упоминал о нем вскользь… Постой, — нахмурился он. — То есть ты утверждаешь, что не только активировала колесо времени, но и воспользовалась обратным переносом? Из-за какого-то зачета? Даже ты не настолько эгои-

стична!

— Дело не только в зачете, — вздохнула я, вновь опустившись на стул. — На территории академии произошло убийство. Поэтому я вернулась к артефакту и, воспользовавшись сохраненным моментом, перенеслась на три дня назад. Как видите, мои мотивы бескорыстны, а я сама — сплошь человеколюбие.

— Значит, убийство, — повторил он. — Ну-ну. И кто же умер?

Я посмотрела в голубые глаза, которые светились насмешкой, и ответила:

— Вы, мастер Гроув.

Он не произнес ни звука, наверняка ошарашенный новостью, и я поспешила его успокоить:

— Вообще-то это скорей не убийство, а несчастный случай. Прорыв ограждения на старом кладбище, агрессивные умертвия, а вы оказались не в том месте и не в то время… В общем, когда вас нашли, было уже поздно. Но мы сможем это предотвратить.

Мастер Гроув все молчал. Понятно, что он потрясен: не каждый день тебе приносят известие, что жить осталось всего три дня. Однако вскоре его губы растянулись в хищной ухмылке, в которой не было ни смятения, ни печали.

— Знаешь, я передумал, — протянул мастер Гроув. — Целительство не для тебя. Иди сразу на правомагию. Из такой лгуньи, как ты, получится отличный дипломат.

— Вы мне не верите? — оскорбилась я. — Хотите доказательств? Я могу рассказать, что случится в ближайшие дни. Сегодня ректор объявит о начале яблочной ярмарки в честь успешной сдачи экзаменов.

— Это ежегодная традиция, Кэсси, но тебе-то праздновать нечего, — бессердечно напомнил мастер Гроув, вновь отпив кофе.

— Завтра мастер Шу наденет оранжевое платье, — вспомнила я. — Не с ее тоном кожи идти на такие эксперименты…

— Легкое ментальное вмешательство — и она наденет трусы поверх брюк. У тебя нет доказательств, Кэсси. Я не потерплю тебя на своем факультете, потому что ты — та еще манипуляторша и лгунья.

— Да с чего вы взяли? — с обидой воскликнула я.

— Да с того, что за этот несчастный год в академии я только и делаю, что подчищаю за тобой! — рявкнул мастер Гроув. — Дурацкие шутки, призыв духов, драка между студентами — к

гадалке не ходи, там замешана Кассандра Рок.

— Я ни с кем не дерусь! — попыталась я возразить.

— Но как повод для ссор срабатываешь отлично, — ответил он и досадливо махнул рукой. — Все, иди с глаз долой.

— Завтра на скачках первой придет Хромуля, — вспомнила я.

— Играешь на скачках? Любишь азарт? — спросил мастер Гроув, и в его голосе прорезалась ледяная ярость. — Может, весь этот разговор тоже какое-то дурацкое пари, чтобы заставить мастера боевых искусств поплясать под твою дудку? Интересно, как именно ты планировала выставить меня дураком? Я должен был провести какой-нибудь ритуал? Или гоняться за вымышленным убийцей по академии?

— Это был несчастный случай, — угрюмо напомнила я. — Умертвия…

В моем воображении эта сцена была иной. Не то чтобы я ожидала горячей благодарности, но и взбучка мне ни к чему.

— Я не увлекаюсь скачками, — добавила я. — Случайно узнала результат забега. Но вы можете проверить. За лошадями тщательно следят и не допускают вмешательства магии.

— Даже если Хромуля не придет к финишу первой, ты всегда сможешь сказать, что твое перемещение в прошлое и какие-то мелкие изменения запустили цепочку событий, которые помешали бедной кобыле победить, — возразил Честер Гроув. — Ты никак не сможешь доказать, что вернулась из будущего, Кэсси. И зачет ты не сдашь, я обещаю.

Я покусала губы и уставилась прямо в глаза мастеру Гроуву.

— Давайте вы хотя бы перенесете зачет на пару дней вперед, — предложила я. — А после того, как вы умрете, вам на замену пришлют кого-нибудь адекватного. Кого-нибудь такого, кто с радостью примет у меня зачет и не станет валить дополнительными вопросами.

— Не будет тебе отсрочки, Кэсси, — заявил он, подавшись вперед. — И другого препода не будет. Я так тебя поимею на этом зачете, что ты сбежишь вся в слезах на факультет бытовой магии и потом еще долго будешь просыпаться в холодном поту от кошмаров.

— Поимеете? — повторила я, вскинув брови.

— В хорошем смысле, — добавил мастер Гроув, нисколько не смутившись. — А теперь — проваливай.

Я с достоинством поднялась со стула, глянула на препода сверху вниз, испытав нерациональную жалость от того, что он не лысый. В самом деле, маленькая плешь на его высокомерной непробиваемой башке меня бы утешила.

— Когда будете валяться в луже собственной крови перед ржавой оградкой старого кладбища, знайте — больше я ради вас колесо времени не запущу, — патетически пригрозила я. — Земля вам пухом, мастер Гроув!

— Встретимся на зачете, Кэсси, — сказал он. — Буду ждать с нетерпением. Знаешь, в чем твой просчет? Я — мастер боевых искусств. Я не могу погибнуть из-за какого-то жалкого умертвия.

— А вдруг это было проклятье? — предположила я. — Что-нибудь быстро рассеивающееся. Что-то такое, что связало вам руки.

— Я прекрасно знаю, что делать даже со связанными руками, — возразил меня Гроув. — Это моя работа, в которой я — лучший.

— Видимо, вы не так хороши, как думаете, — заявила я и закрыла за собой дверь, специально хлопнув ею погромче.

* * *

Вот козел! Я пытаюсь спасти ему жизнь, а он…

— Что ты делала у Гроува? — подскочила ко мне Шерри и помахала тонкой розовой папкой. — Я вот несу документы для зачисления.

Шерри, хрупкая блондинка с шоколадными глазами и фарфоровой кожей, выбрала бытовой факультет на радость мастеру Грouву. После третьего курса каждый студент должен сдать экзамены в зависимости от выбранной специализации. Я бы и правда могла подать документы на целительство или хоть зоомагию — туда меня зазывали всей кафедрой, но у меня были свои причины упорствовать.

— Пыталась договориться с ним о зачете? — щебетала Шерри. — Может, пофлиртуй? Расстегни пару пуговок, надень юбку покороче…

Она таким нехитрым способом решала большинство своих проблем.

— Урод, — припечатала я. — Не собираюсь я с ним флиртовать.

Так-то Гроув ничего. Высокий, смуглый, рубашка на нем чуть не трещит. Если бы я его не знала, то могла бы даже счесть симпатичным. Но его мерзкий характер перечеркивал все внешние

достоинства.

— Кайл куда красивее, — миролюбиво согласилась подруга, обмахиваясь папкой так энергично, что светлые пряди разлетались над плечами. — Ну его, этого Гроува вместе с его боевыми рунами. У тебя есть дела поважнее.

Наверное, это правильно — оставить мастера Гроува в покое. Не исключено, что через три дня он получит по заслугам. Он завалил меня, а потом завалили его — карма!

Но теперь он как минимум предупрежден. Будет держаться настороже и уцелеет. Или обстоятельства сложатся так, что умертвие вовсе на него не нападет.

Тогда Гроув уверится, что я лгунья, и путь на боевку мне будет закрыт. Разве что я буду запускать колесо времени снова и снова, пока не вызубрю все руны получше него.

От этой мысли я приободрилась. Действительно, чего мне волноваться? Я всегда смогу вернуться в исходную точку и начать заново. А заодно исправить кое-что еще.

— Ты как? Не передумала? Не боишься? — не отставала Шерри.

— Не боюсь. Я выбрала боевой факультет, и я на него поступлю.

И сдам этот зачет, сколько бы попыток не пришлось сделать.

— Я не об этом, балда, — многозначительно улыбнулась Шерри. — Сегодня у вас с Кайлом годовщина, и ты собиралась сделать ему подарок.

— Ах, это… — вспомнила я.

— Забыла? — искренне изумилась подруга. — Ну ты даешь! Как будто каждый день теряешь девственность!

— Не каждый, — пробормотала я, отведя взгляд.

* * *

Кассандра Рок. Кэсси Большая Проблема. Заноза в заднице. Уверенная, что весь мир должен прогибаться по взмаху ее длинных ресниц.

Кэсси втемяшила в свою хорошенькую головку, что ей надо попасть на факультет боевки, но она и так обладала страшным оружием — красотой. Как будто боги решили — пусть эта получит все: и гриву темных волос, и зеленые кошачьи глаза, и шикарную фигуру. А улыбка у Кэсси такая… Ему она, впрочем, не улыбалась.

Но Кассандре Рок придется смириться с тем, что не все ее желания исполняются. По результатам сессии третий курс выбирает специализацию, и

он, Честер Гроув, сделает все, чтобы Кэсси оказалась подальше от него.

Допив кофе, Чес машинально нарисовал руну очищения над чашкой, и та засверкала белым донышком.

Это же надо такое придумать! Запустила колесо времени, чтобы спасти жизнь мастеру Гроуву! Он, видимо, должен был преисполниться благодарности и поставить треклятый зачет.

Чес громко фыркнул. Нападение агрессивного умертвия. Несчастный случай. Его чутье предупредит об опасности задолго до ее появления. Слегка напрягало место смерти. Откуда бы Кэсси знать, что он ходит на старое кладбище? Не иначе случайно его засекла и решила поразвлечься. Впредь надо быть осторожнее.

Что до проклятья, то это попросту невозможно. Чес слегка помрачнел и, поднявшись, убрал чашку в шкаф. Проклятие, которое он уже заполучил, полностью исключает другие. И сперва надо разобраться с ним.

Глава 2. Зови меня Жозефина

Наврав Шерри, что буду готовиться к Самому Важному Свиданию, я решила вернуться домой и засесть за учебники. Сейчас я, по крайней мере, знаю, какими дополнительными вопросами Честер Гроув собрался меня валить. Пусть сперва поставит мне зачет, а потом уже хочет — помирает, хочет — нет.

Жозефина встретила меня радостным повизгиванием и, встав на задние лапы, облизала лицо.

— Ну вот зачем? — с упреком спросила я, вытирая обслюнявленную щеку рукавом. — Как будто сто лет не виделись.

— Ничего не могу поделать, — повинилась она, а рыжий кудлатый хвост вихлял туда-сюда вместе с попой. — Инстинкты, рефлексы… В конце концов, я всего лишь маленький пудель, чего ты от меня ждешь?

От пуделя у нее были разве что уши и самомнение. Жозефина грузно опустилась на все четыре лапы, а я потрепала курчавую как у овцы макушку.

Студентам академии вменялось в обязанность

держать при себе живое существо на случай выброса энергии во сне. Пока профессор Рюрксон, великий целитель и светило, не дошел до простой идеи — использовать животных в качестве буфера — студенты болели, маялись мигренями, и даже парк чах и хирел. Однако теперь все изменилось: никаких эпидемий и головных болей, и розовые кусты перед академией радовали глаз. Животных, правда, иногда приходилось менять.

Хорошим тоном считалось держать жаб и крыс — их не так жалко, или хоть хомячков — у тех все равно срок жизни не долог. Хотя излишне чувствительным и сентиментальным в академии жизни и смерти не место. В любом случае, к моменту выпуска и получения диплома энергетический контур закреплялся, и случайные выбросы магии исчезали.

Но с Жозефиной у нас вышла странная история. Грязная псина со свалявшейся шерстью лежала под крыльцом моего дома неподвижно, как старое пальто. Я решила, что животное все равно обречено, терять нечего, и открыла перед ней дверь, куда она юркнула с неожиданной прытью. Поначалу собака забилась в угол, боясь, что я ее выгоню. Однако на следующее утро осмелела и пошла исследовать мои комнаты. Не так-то мно-

го там места: спальня, небольшой кабинет для учебы и общая гостиная с Ритой. Та не возражала против собаки. В конце концов, я мирюсь с ее тараканами — и теми, что густо населяют ее голову, и теми, что периодически сбегают из террариума в ее спальне.

У собаки обнаружился отменный аппетит, а шерсть, из которой я выстригла мешок репьев, залоснилась и заблестела. А однажды утром, когда я неспешно пила кофе, листая конспект, псина подошла ко мне и сказала, что выбрала себе имя. В академии не рекомендуют давать имена питомцам, чтобы не привязываться. Но собака торжественно объявила, что ее зовут Жозефина.

Сперва я решила, что тронулась. Такое случается. Магия — штука коварная. Что-то во мне качнулось не в ту сторону, крышечка накренилась и протекла.

— Как думаешь, я нормальная? — спросила я у Риты тем утром.

— Хочешь, сделаю расклад? — невозмутимо предложила она.

Рита училась годом старше на факультете «астромагия и предсказания», и карты давали ей ответы на все вопросы.

— Сейчас посмотрим, — бормотала Рита, тасуя

колоду и ловко раскладывая карты на кровати. — Вопрос интересный, требующий нестандартного подхода…

Мы с Ритой делили уютный маленький домик, но в ее спальню я старалась не заходить без особой нужды: в террариуме шевелили усищами тараканы, в ловце снов размером с тарелку запуталось чье-то проклятье, а на полу темнели подозрительные пятна.

Я могла бы жить в общежитии, и Шерри демонстративно обиделась, когда я отказалась делить комнату с ней. Но Рита, наследница и любимица высокопоставленного папаши, сделала на меня запрос, указав в заявке отличную совместимость по гороскопу. Мы с ней и правда неплохо ладили.

— Так, корона, — она постучала черным ногтем по глянцевой карте, — положение прямое.

— То есть крыша на месте, — предположила я.

— Птица, — еще одна карта легла рядом, — в гнезде.

— И кукушка не улетела, — с облегчением перевела я.

— Ответ на твой вопрос — да, ты нормальная, — подытожила она. — А что заставило тебя усомниться, Кэсси?

Когда я призналась, что слышу голоса, Рита оживилась. Однако выяснив, что это не пророчества, не шепот неупокоенных душ, а треп дворового пса, разочарованно вздохнула.

— Банальный фамильяр, — сказала Рита, собирая карты. — Резонанс энергий. Раньше за такое тебя бы отправили прямиком на костер, а сейчас… Ну, повезло собаке. Как, говоришь, ее зовут? Жозефина, сделать тебе расклад на любовь?

Так и вышло, что я напитала собаку энергией до кончиков лохматых ушей, и теперь черпала последствия полной ложкой.

* * *

— Угадай, что мне снилось? — спросила Жозефина, положив голову мне на колени и преданно заглянув в глаза.

Я ведь однажды уже слышала этот сон, но, к своему стыду, пропустила его мимо ушей.

— Мне снился гусь, — веско обронила собака. — Он летел с запада, и крылья его были белые с черной каймой как у чайки. Он нес в клюве пирог, надкушенный с края, и начинка сыпалась вниз, но никак не кончалась. Мясо, грибы и лук.

Жозефина наморщила нос. Лук она не любила.

— А корочка пирога слегка подгорела. Как ду-

маешь, это к чему?

— Сей поступки — пожинай последствия, — предположила я, листая конспект по боевке.

Так я и знала — ни слова про плетения Кулькаса, на которых я срезалась. Придется идти в библиотеку.

— А подгорелая корка? — Жозефина вздохнула.

К моей горящей заднице.

Сперва мастер Гроув не допускал меня к зачету из-за одного маленького прогула, заставив писать длиннющий реферат, а после — и переписывать. Оформление, видите ли, не соответствовало каким-то замшелым стандартам, раскопанным им в недрах академии. Надо было видеть его хмурую рожу, когда я принесла реферат с сургучной печатью самого ректора, одобрившего оформление.

Затем, словно нарочно, у Гроува закончились все умертвия, и я не могла отработать практику. Специально тянул сроки, чтобы времени на пересдачу не осталось! Как будто у него ко мне личные претензии!

Тогда-то я и решила подстраховаться и запустила колесо времени. Это вроде как сохраниться в определенный момент, поставить зарубку, куда можно вернуться, воткнуть вешку в опасном болоте.

Вообще-то за такое меня могли сходу отчислить. Но сперва попробуйте доказать.

— А может, покушаем? — невинно предложила Жозефина. — Так сказать, сон в миску?

Вскоре она с аппетитом чавкала котлетами из столовки. Пришлось наврать поварихе, что я держу редкого императорского варана — иначе мне не прокормить эту собаку. А я задумалась.

Мастер Гроув уверен, что какому-то жалкому умертвию его не одолеть. Так-то он прав: даже я смогла упокоить зомбяка, так что Гроув вынужден был допустить меня к зачету. Но доктор, осмотревший место преступления и тело, вынес однозначный вердикт. Несчастный случай. Бывает. Все мы смертны, в академии жизни и смерти об этом знают очень хорошо. Но что, если доктор ошибся или… соврал?

Наскоро позавтракав кофе и бутербродом, я положила конспект в сумку и собралась уходить, но Жозефина уже ждала меня с поводком в зубах у двери.

— Давай немного изменим маршрут, — предложила я, обуваясь.

— Вообще-то я хотела посмотреть на белок, — капризно сказала собака. — А еще молодые утки становятся на крыло, чтобы лететь на юг. А в

пруду кувшинки.

— Сходим в парк вечером. Хотя ты вполне самостоятельная и взрослая собака и можешь гулять и одна.

— Как бездомная шавка? — оскорбилась Жозефина, выплюнув поводок мне в руку. — Как будто меня никто не любит? Как будто никто не боится, что меня могут украсть?

Я едва сдержала улыбку, представив воров, гоняющихся за Жозефиной вокруг пруда. Скорость она могла развивать очень приличную.

— Нет уж, — отрезала она. — У меня есть хозяйка — ты.

— Раз я хозяйка, то я и решаю, куда мы пойдем, — заявила я, открыв двери.

— Это абьюз, — проворчала собака, сбегая по ступенькам.

— Откуда и слов таких нахваталась? — пробормотала я, шагая за ней следом.

— Прочитала в учебнике Риты по психологии магии, — пояснила Жозефина с ноткой снисходительности в голосе и мимоходом обнюхала березу. — Ты будешь проходить это на следующем курсе.

Я закатила глаза, сворачивая в сторону корпусов. Надо будет сказать Рите, чтобы не оставляла

учебники без присмотра.

Вскоре Жозефина стыдливо спряталась за кустик, а я запрокинула лицо к небу, жмурясь от солнца. В прозрачном воздухе, еще прохладном после ночи, протянулись серебряные нити паутинок. Листья деревьев тронула осень, но чистое небо обещало по-летнему жаркий день. Если бы в эти три дня случился смерч или хоть гроза, я бы могла предсказать Гроуву погоду — и так его убедить, что не вру. Но, как назло, ожидался лишь легкий дождик.

Жозефина вышла из-за кустов и бодро зарысила рядом со мной, но когда мы свернули на тропинку, ведущую к неприметному серому корпусу, растопырила лапы, встав посреди дороги как осел.

— Обманщица! — ее голос сорвался на лай, как всегда в минуты душевных волнений. — Лгунья! Злодейка!

— Так, успокойся. Я не собираюсь тебя лечить, — попыталась я объяснить.

— Я вижу зеленый крест, — заскулила она. — Опять укол? Прививка? Какое коварство! А может, хочешь сдать меня на опыты?!

— Слушай, иди домой, — предложила я, раздраженно бросив поводок на тропинку.

— Не хочешь? Но зачем тогда? — Жозефина мигом успокоилась, склонила голову набок и принюхалась. — Ты здорова как бык. А, ты хочешь взять справку, — протянула она, прищурив глаза. — Если заболеешь, то получишь отсрочку по зачету. Хитро!

Вряд ли мне удастся провести доктора, но это отличный повод, чтобы к нему заглянуть. Скажу, что заболела, а заодно попытаюсь выведать, есть ли у него причины скрывать убийство, которое пока что даже не произошло.

Я оставила Жозефину у крыльца и наказала ждать, а сама поднялась по щербатым ступенькам и потянула дверь на себя. Пахнуло сырым холодом и лекарствами.

— Воняет, — пожаловалась собака, ложась на траву и укрывая нос лапами. — Скажи, что у тебя ноют зубы на перемену погоды. И спина чешется. Может, он тебя не раскусит.

— Хорошо, — согласилась я и шагнула в полумрак пустого коридора.

Студенты болели редко, у большинства уже каникулы. Здесь было тихо как в склепе, и гулкое эхо моих шагов отразилось от белых стен.

— Это кто к нам пришел? — добродушно поинтересовался доктор Шменге, показавшись из

кабинета. — Эм-м-м…

— Кассандра, — напомнила я. — Кэсси Рок. Что-то неважно себя чувствую.

— Проходи, — доктор посторонился, пропуская меня в кабинет, и зачем-то выглянул в коридор перед тем, как закрыть дверь. — Сейчас мы тебя подлечим…

Глава 3. Кровавая история

Доктор Шменге был невысок, круглолиц и чернобров, и слегка присвистывал из-за широкой щербины между зубами.

— Итак, на что жалуемся, Кэс-с-си? — спросил он, направляя на меня круглый торшер, так что я немедленно почувствовала себя на допросе.

Хочешь соврать — говори правду, но только не всю. Буду той, кем я и являюсь: нерадивой студенткой, которая вот-вот завалит сессию. Как знать, вдруг он на самом деле выпишет справку, которая позволит перенести проклятый зачет.

— Общая слабость, голова болит, — пробормотала я и для достоверности пару раз кашлянула, оглядывая кабинет.

Я была тут лишь раз — при зачислении в академию жизни и смерти, и кабинет доктора Шменге куда больше напоминал уютную гостиную. Узкий шкаф со склянками зелий, да одинокий скелет в углу — вот и все признаки лекарни. Да и то, на шкафу раскинулся пышный папоротник, а шею скелета обвивал симпатичный вязаный шарфик в красно-белую полоску.

Еще одно начатое вязание, зеленое, лежало в корзинке возле широкого кресла, очень удобного на вид. Рядок потрепанных книг на полке, на низком столике — бокал красного вина. Окно было задернуто портьерами, слишком длинными для кабинета, и тяжелая синяя ткань изгибалась на полу бархатной волной.

Доктор заглянул мне в рот, оттянул веко, ощупал шею.

— Зачет через три дня, а голова гудит как колокол, — пожаловалась я.

Прохладная ладонь опустилась на мой лоб.

— Жара нет, — с уверенностью сообщил доктор Шменге. — Глаза ясные, горло чистое. Кэс-с-си Рок, вы оскорбительно здоровы.

— Еще спина чешется, — ляпнула я.

Повинуясь жесту доктора, повернулась к нему спиной и задрала блузку.

— У меня зачет по боевке. Принимает мастер Гроув. Знаете его? — спросила я.

— Можно сказать, знаю. Понаслышке, — ответил доктор Шменге. — Кожные покровы безукоризненно чистые.

— Что вы имеете в виду — понаслышке? — переспросила я, опуская блузку.

— Ко мне частенько приходят именно с боевого

факультета, — пояснил доктор. — Растяжения, переломы, банальные ссадины… Имя мастера Гроува звучит в этом кабинете постоянно. Если бы не он, я бы, пожалуй, остался без работы.

Мелькнула запоздалая мысль, что если Гроува на самом деле убьют, то идеальный кандидат на роль убийцы как раз доктор! Очень удобно: сперва грохнул, потом объявил, что это несчастный случай, и умыл руки. И мотив как раз есть — мастер Гроув калечит бедных студентов и отвлекает доктора от вязания.

Я поежилась, поймав на себе пристальный взгляд доктора Шменге, и обхватила себя руками.

— Холодно тут у вас, — заметила я.

— Лучше сохранюсь, — пошутил он. — Давайте начистоту, Кэс-си, если вы надеялись получить справку по болезни, то я вам ее не дам.

— Жаль, — вздохнула я, виновато улыбнувшись. Пора срочно переходить к вопросам, пока он меня не выставил. — Вы не мерзнете, доктор? Тут реально как в мертвецкой. А вот, к слову, если на территории академии кто-то умрет, то тело будут хранить здесь?

— Ну, не прямо здесь, — хохотнул доктор Шменге. — У меня есть отличный подвал. Но не

беспокойтесь, Кэсси, никто не умрет. Я за этим пристально слежу.

— Мало ли, — пожала я плечами. — Допустим, несчастный случай. Тело будете осматривать вы?

— Меня куда больше интересуют живые.

— Значит, по правилам надо дождаться констебля? — не отставала я.

— Так-то да, но есть нюанс-с-с, — задумчиво просвистел доктор. — Академия жизни и смерти располагается на так называемых ведьминых холмах. Тут полно мест силы. Если вдруг тело будет обнаружено на одном из них, то по правилам безопасности его следует немедленно убрать, чтобы не запустить ритуал жертвоприношения. Вероятность небольшая, но последствия могут быть роковыми. Так что если задумаете кого-нибудь убить, Кэс-си, советую сперва ознакомиться с картой.

Я улыбнулась, якобы оценив шутку, и некоторое время мы с доктором молча пялились друг на друга. Что ж, вряд ли я узнаю что-то еще. Готова биться об заклад, старое кладбище обозначено на карте красным кружочком. Значит, когда Гроув помрет у ржавой оградки, доктор быстренько перетащит его хладное тело к себе. Потом из бли-

жайшей деревни прибудет констебль, который куда чаще расследует кражу кур и пьяные драки, и ухватится за заключение — несчастный случай — обеими руками.

— Знаете, Кэс-с-си, все же я не имею права игнорировать ваши с-симптомы, — задумчиво произнес доктор.

В его руке как по волшебству появился шприц, и я попятилась к двери.

* * *

— А вот этого не надо, — попросила я. — Мне уже гораздо лучше.

Я наткнулась спиной на скелет, и кости позади меня застучали дробно, как рассыпавшийся горох. Ойкнув, я обернулась и поправила сползший красно-белый шарфик, порадовавшись, что ничего не развалила. А когда шагнула к двери, там уже материализовался доктор.

— Болез-зни бывают коварны, — он покачал головой как болванчик. Или как змея, примеряющаяся к жертве. — Вот человек жив-здоров, а потом хоп — и умер.

Так и произошло с Гроувом. Вот только не от болезни.

— Я просто переутомилась, — сказала я. — По-

гуляю на свежем воздухе…

Мы с доктором кружили словно на ринге, и острая игла поблескивала под светом торшера. Мне и правда стало душно, и сердце забилось в панике. Как будто Жозефина меня покусала и заразила боязнью уколов.

— Вот уж не думал, что вы такая трус-сиха, Кэс-си, — пожурил меня доктор. — Всего один маленький укольчик, капелька крови. Кровь не врет. Мы узнаем точно, вдруг вы все же больны.

Его вкрадчивый голос с легким посвистыванием убаюкивал. Шменге вдруг резко шагнул вперед, я — инстинктивно назад, колени подкосились, и я упала в удобное мягкое кресло.

— С-сейчас закатаем рукавчик… Куда вам торопиться, в самом деле?

— Меня ждут! — воскликнула я, и доктор отдернул шприц, иголка которого почти воткнулась мне руку.

— Кто ждет?

— Жозефина, — ответила я и, пригнувшись, юркнула у него под рукой. — Я и так заболталась. А она волнуется. Ждет меня у самого входа. Еще поднимет панику. Она ой какая голосистая! Всего доброго, доктор Шменге, — выпалив это все, я выскочила за дверь.

Коридор показался мне бесконечным, и когда я наконец скатилась с крыльца, то чувствовала себя так, будто только что удрала от хищника. Какая глупость! Под теплым солнышком и озноб, и беспричинный страх растаяли, как не бывало.

— Это все ты виновата, — заявила я Жозефине, которая лениво встала с травы и теперь с наслаждением вытягивала задние лапы.

— Я? — возмутилась она. — Я очень хорошая девочка!

— Доктор хотел взять у меня кровь на анализ, а я вдруг испугалась как… как ты, — призналась я.

— Он хотел сделать тебе укол? — забыв про потягушки, Жозефина прихватила меня зубами за край юбки и потащила прочь. — Шкорей, шкорей, — шамкала она. — Пора уносить ноги из этого зловешшего мешта.

— Погоди-ка, — попросила я.

Вытащив юбку из пасти собаки, я вернулась назад. Постояла перед крыльцом, борясь с иррациональным страхом, что вот сейчас доктор Шменге выскочит на крыльцо, сжимая в руке шприц. Лекарня ютилась в тени высоких берез, и желтые капли листочков, подхваченные ветром, кружились плавно, как золотые рыбки. Унылое серое здание вытягивалось в глубь рощи, стыдли-

во пряча неприглядный фасад.

Я пошла вдоль стены и, остановившись у окна, привстала на цыпочки. Плотные синие шторы полностью закрывали обзор. Я вернулась к крыльцу, подумала. А потом снова прошла к окну, считая шаги.

По всему выходило, что кабинет доктора Шменге находится дальше. Коридор, по которому я бежала, был куда длиннее. Но дальше была лишь глухая стена.

— Это странно, — поделилась я с Жозефиной, которая плелась за мной следом, оглядываясь по сторонам. — Как будто там пространственное искажение или что… Но окно должно быть не здесь.

— Пойдем отсюда, — попросила она, озираясь. — Ты здорова, я здорова, надо держаться подальше от больниц и докторов. А то и правда заболеем. У тебя вот уже искривления, у меня как будто хвост ломит…

— Пойдем, — согласилась я.

Я отвела собаку домой и пошла в библиотеку, но доктор Шменге не выходил у меня из головы. Вообще-то мой к нему поход нельзя назвать пустой тратой времени. Я узнала про места силы и про то, что у доктора, возможно, есть зуб на

мастера Гроува. Вряд ли это тянет на мотив для убийства. Но вдруг Шменге так радеет за бедных студентов, что решил искоренить саму причину их травм? Уничтожить заразу на корню! Выбрал удобное местечко, чтобы расправиться с Гроувом, а потом придушил его полосатым шарфиком и воткнул в сердце спицы.

В библиотеке я взяла учебник по боевым искусствам, а заодно попросила карту академии.

Устроившись в читальном зале, нашла плетения Кулькаса и заложила их закладкой, а потом развернула карту. Академия жизни и смерти вольготно раскинулась на ведьминых холмах. Считалось, что в местах силы магический потенциал раскрывается в полную мощь, а Рита иногда ходила гадать на ведьмином камне — там карты никогда не врали.

— Как подготовка к зачету, Кэсси? — мастер Гроув появился так внезапно, что я чуть не подпрыгнула.

— Отлично, — буркнула я и вновь уткнулась в карту, выискивая место его смерти.

Гроув взял учебник, небрежно открыл на закладке, хмыкнул. Вряд ли теперь он будет спрашивать меня плетения Кулькаса. А может, наоборот — проверит, как я выучила. Нельзя

недооценивать его коварство.

— Ага! — воскликнула я, ткнув пальцем в отметку.

Места силы обозначались на карте не кружочками, а красными крестиками, и возле старого кладбища их было сразу пять.

Честер Гроув проследил за моим пальцем, страдальчески наморщил лоб.

— Только не начинай, — попросил он.

— Вот тут вы и умрете, — сказала я, постучав по крестику ногтем.

* * *

Мастер Гроув выразительно закатил глаза и, усевшись напротив меня, скрестил руки на груди.

— Вот это как раз одна из причин, по которой тебе нечего делать на боевом факультете, Кэсси.

Я глянула на свой палец, уткнувшийся в крестик.

— Ногти? — уточнила я. — Я подстригу.

— Твое богатое воображение!

Мне померещилось, что перед словом «богатое» была небольшая запинка, как будто Гроув в последний момент заменил им другой эпитет.

— В боевке нет места творчеству, — пояснил

он. — Это жесткая система. Ты просто зубришь приемы, оттачиваешь их упорными тренировками, доводишь до совершенства — и побеждаешь.

— Но кто-то же придумывает все эти плетения и руны, — попыталась я возразить.

— Да, на факультете теории магии, туда и катись. Вместе со своим колесом времени.

— Когда вы поймете, что это не шутка, будет поздно, — сказала я, внимательно разглядывая карту, как будто там могла быть подсказка. — У меня, кстати, появился подозреваемый на роль убийцы.

— Ты же говорила, это был, то бишь — будет, несчастный случай, — ехидно напомнил Гроув.

— Да, но вы и правда мастер боевых искусств и в своем деле хороши. Так что я тут подумала, вдруг это все же замаскированное убийство? Знаете, кого я подозреваю?

— Куда мне…

— Доктора Шменге. Он очень подозрительный. Я едва от него удрала.

— А зачем ты к нему ходила? — Гроув окинул меня цепким взглядом. — Если думаешь откосить по болезни…

— Была такая мысль, — призналась я. — Но я совершенно здорова, и справку мне доктор не

дал. Однако зачем-то захотел взять у меня кровь на анализ!

— Не может быть! — с сарказмом воскликнул Гроув.

— И у него на вас зуб.

Вспомнилась широкая щербина между зубов, посвистывание, пристальный взгляд — и я поежилась, как будто вновь очутилась в лекарне. Вот парадокс: в приемной доктора уютно, как у бабули, а все равно мороз по коже. Да еще этот коридор, который вытягивался и словно пытался меня удержать. Что-то там явно не то…

— Это он осматривал ваше тело. Он сказал про несчастный случай. Мог и соврать.

— Да я его даже не знаю, — Гроув нахмурил темные брови. — Как его? Шменге?

— А вот ваши студенты проторили к нему дорожку. Поток контуженых на боевке не оскудевает. В общем, версия такая: вы калечите бедных детей, и доктор, которого вы отвлекаете от вязания и вина…

— Он тебе и выпить предлагал?

— …решил извести вас как заразу. Хотя… — я задумалась и щелкнула пальцами. — Есть еще одна версия. Доктор сказал, что нельзя оставлять тело в месте силы. Это может запустить нежела-

тельный ритуал. Но что, если ритуал был очень даже желательным, и вас принесли в жертву?

Идея была новой, и ее предстояло обдумать.

Глубоко вздохнув, Гроув потер ладонями лицо и уставился на меня.

— Ладно, — сказал он.

— Ладно? — переспросила я.

— Я попытаюсь поверить в твои россказни с колесом, если ты объяснишь, как тебе удалось уломать мытаря — душу, охраняющую артефакт.

Я облизнула губы, не сводя взгляда с Гроува. Да лучше я себе язык откушу!

— Это личное, — ответила я наконец.

— Так я и думал, — кивнул он и поднялся.

— Но вы можете убедиться сами! — воскликнула я. — Мастер Шу в оранжевом… Хромуля…

Гроув небрежно пододвинул ко мне учебник с боевыми плетениями.

— Мой тебе совет, Кэсси: выбери другой факультет.

— А вы держитесь подальше от старого кладбища, — фыркнула я.

Гроув задержался, а потом вдруг развернулся и плавным движением перегнулся через стол.

— Ты меня видела? — тихо спросил он.

От него пахло кофе и еще чем-то острым. Глаза,

голубые как лед по весне, были так близко. И губы… Мурашки волной рванули по телу, и теперь дело было вовсе не в ознобе.

— Я и сейчас вас вижу, — недоумевающе прошептала в ответ.

Гроув молчал, испытующе глядя мне в глаза, но после выпрямился и ушел.

— О, мастер Шу, — донеслось до меня. — Чудесно выглядите. Вам так идет синий.

Ну, понятно. Если Гроув, отвешивая комплимент, еще и улыбнулся, то мастер Шу будет носить синий до конца своих дней. Было в нем какое-то хищное обаяние, несмотря на то, что он, несомненно, козел.

Я взяла учебник и погрузилась в плетения Кулькаса, но мой взгляд то и дело возвращался к красному крестику на карте.

Что мы имеем? Жертву, подозреваемого и место и время преступления.

Но если доктор на самом деле убийца, то не зря ли я к нему заявилась? Да еще и с вопросами про трупы. Вдруг я уже изменила будущее, и теперь доктор Шменге будет охотиться за мной?

Иногда я недоумевала — как так получилось, что в резонанс с моей энергией вошла такая бестолковая и болтливая псина. Но сейчас отчетливо

поняла: мы с ней два сапога пара.

* * *

Задержавшись на широком крыльце академии, Чес прислонился к одной из колонн и выслушал торжественную речь ректора об открытии яблочной ярмарки, которая начинала череду праздников. Пара недель каникул, возможность съездить домой и повидать родных — а потом, в день мертвых, в академии жизни и смерти начинался новый семестр.

Ректор академии, бессменный Альберт Форест, фонтанировал добродушием и энтузиазмом, а его костюм, расшитый золотом, и напомаженные усы навевали ассоциации с цирковым представлением. Перед академией собралась толпа студентов, и Чес в который раз подумал, что лучше бы вместо преподавания он засунул голову в пасть тигру — это куда безопаснее и приятнее. Однако выбирать ему не приходилось.

— Да будет праздник! — возвестил ректор, театрально воздев руки, и окончание его речи встретили бурными аплодисментами. Лишь бы не учиться.

Чес отклеился от колонны и подошел к нему.

— А, Честер Гроув! — обрадовался Альберт. —

Ты-то мне и нужен. Сегодня вечером яблочный бал, я записал тебя добровольцем следить за порядком.

— Я не особо горю желанием…

Ректор пригрозил ему пухлым пальцем, а затем фамильярно поправил галстук-бабочку у Чеса на шее.

— Культурные мероприятия — часть нашей работы, — напомнил Альберт. — Студенты академии жизни и смерти должны развиваться гармонично. А наша обязанность — помогать что есть сил. К тому же, если там будет драка — а она, разумеется, будет — то кто разнимет молодых агрессивных магов, как не наш лучший боевик?

Вздохнув, Честер кивнул. Дрессировать обезьян — и то проще, чем справляться с оравой дурных парней, каждый из которых мнит себя альфа-самцом.

— К слову о драках, — сказал он. — На моих тренировках не обходится без травм. Возможно, прежний преподаватель обращался со студентами мягче?

— Но и результаты были не такими впечатляющими, — заметил Альберт.

— А что наш местный доктор? Справляется?

Чес чувствовал себя полным дураком, заводя

этот разговор, но Кэсси казалась такой искренней в своих переживаниях. Карту вытащила, тыкала в крестик. И место, которое она показывала, он знал.

— Можешь не волноваться на счет доктора Шменге, — успокоил его ректор. — Он — прекрасный специалист. Я бы сказал — уникальный!

— Небось, злится, что я завалил его работой? — предположил Чес.

— Отнюдь, — взмахнул обеими руками Альберт. — Работа — топливо души. Сам знаешь, наши студенты — народ живучий, энергичный. Доктор даже жаловался, что сидит без дела. Вязать начал, бедняга. Так что продолжай, — он хлопнул Чеса по плечу, — тренируй их безжалостно!

Альбер развернулся к двери в академию, но Чес шагнул вперед.

— Еще один вопрос. Артефакты в хранилище. Насколько надежна защита от проникновения?

— Ну-у-у, — ректор подергал себя за кончик напомаженного уса. — А тебе зачем?

— Профессиональный интерес.

— Так сходу сложно сказать. Там ведь несколько секторов. С разными уровнями.

— Колесо времени, — сказал Чес. — В спецслужбах о нем говорили с придыханием. Мол, дивная

редкость. Как вышло, что такой редкий артефакт содержат в академии, где полно студентов без царя в голове?

— А его невозможно перевезти, — ответил Альберт. — Колесо привязано к мытарю, а тот — к месту. Я тебе больше скажу, колесо и использовать нельзя. Хотя соблазн велик. Я и сам подумывал: закрепиться в какой-то точке, узнать курс акций на бирже, мало ли…

— Значит, невозможно? — переспросил Честер.

— Он даже на контакт не идет, мытарь этот, — пожаловался Альберт. — Уж я и так, и сяк — ни гу-гу. Вот что значит — переборщили с защитой. Но, может, оно и к лучшему. Это ведь не совсем колесо. Принцип действия скорей как пружина. Раз привяжешься, и потом будешь проживать отрезок жизни снова и снова.

— Зачем же? — не понял Чес. — Допустим, исправил что-то — и живи себе дальше.

— А чем дальше, тем сильней будет соблазн вновь вернуться в исходную точку, — пояснил Альберт. — Пружина натягивается. Кажется, что можно сделать все идеально, без ошибок.

— Не бывает так, чтобы без ошибок.

— Именно! — подтвердил ректор. — Так что

придется идти вперед, спотыкаясь и набивая шишки. К слову, я бы хотел взглянуть на наших будущих боевиков. Ты уже подготовил списки?

— Еще нет, — ответил Чес. — Осталась одна студентка. Но она не сдаст.

Глава 4. Ошибки прошлого

Я провела в библиотеке весь день и вернулась домой только к вечеру голодная, как собака. Ловко увернувшись от традиционных облизываний, я отправилась на кухню и сварганила себе ужин: макароны, тефтельки и салат.

— Даже не спросишь, как прошел мой день? — скорбно произнесла Жозефина, наблюдая за мной.

— Ну, ты все равно расскажешь, так что валяй, — предложила я, поливая макароны соусом.

— Я сижу тут одна одинешенька, — пожаловалась собака. — Рита тоже ушла, а я осталась с тараканами. А они скучные и некрасивые. Потом я смотрела в окно, но увидела только одну птичку. Мы никуда не ходим!

— А к доктору? — напомнила я.

Жозефина насупилась.

— У тебя вечно нет на меня времени: то учеба, то друзья, то свидания, — обиженно проворчала она. — Кстати, Кайл сегодня придет?

Я поставила тарелку на стол и положила пару тефтелек собаке — все равно не отстанет.

— Вообще-то мы договорились, что я к нему приду, — вспомнила я.

И на этот раз свидание пройдет совершенно иначе. Конечно, я вернулась в основном из-за Гроува и зачета, но отчего бы не исправить ошибки прошлого?

— Кайл красивый, — благостно сообщила Жозефина, обнюхивая тефтельки. — Такой светленький, кудрявый — чисто пудель. И такой холеный. Сразу видно — породистый кобель.

Я даже не стала это комментировать. Жозефина к нему неровно дышала с тех самых пор, как Кайл завел привычку носить ей вкусняшки. Решил, что путь к сердцу девушки лежит через желудок ее собаки и, в целом, не промахнулся. Жозефина стала его горячей поклонницей и постоянно трындела о том, как он хорош.

— А хочешь пойти со мной? — предложила я, осененная идеей.

— К Кайлу? В гости? — встрепенулась Жозефина, оторвавшись от тефтелек.

— Это несправедливо, что ты сидишь в одиночестве, — покивала я. — Ты заслужила развлечение, правда?

— Да! — согласие вырвалось лаем. — Правда!

— Значит, договорились, — решила я. — Только

у меня к тебе маленькая просьба.

— Какая? — Жозефина подбежала к столу и, встав на задние лапы, полюбовалась собой в блестящий бок кастрюли. — Может, помоешь меня? Кажется, шерсть запылилась.

— Потом, — пообещала я. — Когда вернемся от Кайла. Устроим тебе ванну с пеной, набросаем уточек…

Жозефина с подозрением прищурила глаза и повернула морду.

— А чего конкретно ты от меня хочешь?

— Понимаешь, — я облизнула губы, накалывая макароны на вилку, — у нас с Кайлом годовщина. И он ожидает некоего развития отношений.

Мне нравился Кайл. С ним было весело и приятно. Но этот вечер я хотела прожить по-другому.

— А я не хочу, чтобы наши отношения развивались, — закончила я.

— То есть ты хочешь, чтобы я сорвала свидание? — поняла Жозефина. — Кэсси, не глупи. Кайл хороший. От него вкусно пахнет. А еще у него всегда чистые уши, заметила? Если ты его оттолкнешь, он обидится. Просто подари ему немножечко любви…

— Слушай, не твое собачье дело, кому мне дарить свою любовь! — рассердилась я. — Ты со

мной или нет?

— С тобой, — вздохнула Жозефина.

— Значит, после ужина сделаешь вид, что тебе плохо. И мы уйдем. Поняла?

— Поняла, — буркнула собака. — Но если передумаешь, только скажи. О, точно! Нам надо стоп-слово. Допустим, журавль, или там табакерка. Нет, нужно что-то такое, чтобы ты могла ввернуть в разговор… Крендель?

— Не передумаю, — отрезала я. — Я не хочу оставаться с Кайлом этой ночью.

Я произнесла это вслух, и на душе полегчало. Я хотела, чтобы ничего этого не было: ни торопливой возни, ни мокрых поцелуев, ни тем более всего остального. Вспоминая то, что пока еще не произошло, я не испытывала ничего кроме неловкости и досады, и ощущения большой ошибки.

Жозефина вернулась к тефтелькам и вылизала миску дочиста, а потом подошла и привычно бухнула голову мне на колени.

— Если Кайл тебя чем-то обидел, я даже могу его покусать, — предложила она, заглядывая мне в глаза.

Я благодарно потрепала ее по ушам. Жозефина могла быть болтливой, обидчивой и трусливой, но она всегда была на моей стороне.

— Кстати, остались еще тефтельки? — безмятежно поинтересовалась она.

* * *

К Кайлу мы явились с опозданием в полчаса, и вовсе не я стала тому причиной. Нет, это Жозефина потребовала расчесать ей шерсть справа налево, а потом наоборот, а затем, критически осмотрев себя в зеркале, встряхнулась как после ванны и заявила, что сейчас в моде естественная небрежность.

— Можно подумать, это ты с ним встречаешься, — проворчала я, поднявшись по ступенькам крыльца и постучав в дверь.

Кайл жил в коттедже с двумя другими парнями.

— Мы сегодня будем совершенно одни, — радостно сообщил он, распахивая передо мной дверь.

Жозефина чинно процокала мимо него в дом.

— Ты взяла с собой собаку? — искренне удивился Кайл.

— Да, — ответила я. — Она ведь не помешает?

Жозефина бросила на меня многозначительный взгляд и подмигнула.

Самый страшный ее кошмар — стать жертвой

лекарских опытов, и на людях она корчила из себя обыкновенную собаку. Так что весь словесный поток доставался бедной мне и еще Рите. Ей Жозефина доверяла. Скорее всего потому, что Рите не было до нее никакого дела. Она не считала фамильяров чем-то выдающимся, нанеся этим личное оскорбление Жозефине, и получила за это жестокое возмездие в виде ее болтовни.

— Проходи, — Кайл быстро справился с эмоциями, и на его лице вновь появилась улыбка. — Жози, моя любимая собачка, а что у меня для тебя есть! Сахарная косточка! Ждет на кухне. Пойдем, угощу.

Приглушенный свет очень подходил гостиной этого дома: скрывались в тенях пошловатые картины на стенах, разглаживались царапины на полу. И даже уродские желтые шторы казались более благородного горчичного оттенка.

— Вообще-то я уже покормила Жозефину, — сказала я. — Не надо ее баловать, Кайл. Мне кажется, у нее и так лишний вес.

А вот таким взглядом можно и убивать!

— Что ты такое говоришь, — возмутился Кайл, тиская Жозефину за щеки. — Она самая красивая собачка в мире!

Жозефина блаженно жмурилась, подставляя

ему голову, а я села на диван, возле которого уже ждал накрытый столик. Кайл расстарался: свечи, вино, еда. Все это я уже пробовала в прошлый раз: утка жестковата, салат не хрустящий, а вот конфетки, помню, были хороши.

Я развернула золотистый фантик и прикрыла глаза, наслаждаясь вкусом молочного шоколада.

— Твои любимые, — сообщил Кайл, садясь рядом. — Такие же сладкие, как твои губки.

А потом он поцеловал меня, и это было неожиданно — не по плану. Так что я невольно ответила, заодно пытаясь понять, что же в прошлый раз пошло не так. Мне нравилось целоваться с Кайлом. Это было приятно и тепло, и ощущение такое, как будто во мне разливается игристое шампанское.

— Кэсси, — прошептал Кайл, и я приоткрыла глаза. — Ты такая красивая.

— Ты тоже, — искренне сказала я.

Правда, теперь я никак не могла выкинуть из головы ассоциацию с пуделем. Даже глаза как у умного пса: шоколадные, чуть влажные и очень честные… Жозефина тоже умеет такие строить, особенно когда напортачит.

Так может, и Кайл врет?

Я машинально накрутила его светлую куд-

ряшку на палец. Все выглядело идеально и романтично: ужин, свечи, цветы… Так, в прошлый раз были цветы!

Что-то с грохотом разбилось, и Кайл вскочил с дивана.

— Ох, ссс… собачка, — выдавил он, поспешив на шум.

Жозефина подошла к столу и нахально стащила кусок утки прямо с блюда, пока Кайл колдовал над разбитой вазой и разлитой по полу лужей.

— Все в порядке? — громко спросила я.

— Да, минутку!

Кайл вернулся и показал мне букет роз.

— Отнесу на кухню, а ты заберешь потом.

Когда буду уходить. Я отлично помнила, как возвращалась утром домой, и ярко-алые розы словно сигналили всем о том, что ночевала я не в своей постели. Стыд и сожаление кололи меня куда сильней, чем шипы.

Потом Шерри убеждала, что первый раз у всех такой — не очень. Мол, станет лучше…

— Утка жестковата, — прочавкала Жозефина и облизнулась. — И я, между прочим, не толстая. Как у тебя и язык-то повернулся?!

— Ты что-то сказала? — переспросил Кайл, вернувшись. — Как будто ты… толстая?

Он произнес это с наигранным ужасом, явно готовясь петь дифирамбы моей внешности. Может, в этом и есть проблема? Кайл говорил то, что я хотела услышать.

— Нет, я не думаю, что я толстая, — ответила я. Жозефина фыркнула. — А что тебе во мне не нравится, Кайл?

Он на мгновенье опешил.

— С чего ты взяла, что в тебе может хоть что-то не нравиться? — нашелся он.

— Ну, Гроув вот терпеть меня не может, — пожаловалась я. — Боюсь, завалит меня на этом зачете. Как будто у него со мной счеты или что. Я не сделала ему ничего плохого!

Напротив — дала ему уникальный шанс на спасение, который он вообще не оценил.

— Ты чудесная девушка, Кэсси, — пылко сказал Кайл, садясь рядом. — Твои глаза, губы, шея — все идеально.

А вот мои проблемы его, похоже, не волновали.

— Я тебя не достоин, — добавил он.

А это уж точно вранье. Кайл учится на последнем курсе академии. Правомагия — кузница будущих дипломатов. Богатая семья, отличные связи, высокий балл — по всем показателям он

меня обходил. Породистый кобель, а я — так, Жозефина…

— У меня есть тост, — сказал Кайл, разливая вино по бокалам. — Сегодня ровно год, как мы вместе…

— Год с момента, как мы познакомились, — вспомнила я.

Он постоянно твердил про годовщину, и я тоже привыкла так думать. Но ведь это не правда! Мы встретились год назад на яблочном балу, потанцевали. Потом, через пару недель, столкнулись в библиотеке. Затем вечеринка у общих знакомых — Кайл был звездой. Поездка в город, тоже компанией…

— Первое настоящее свидание у нас было едва ли с три месяца назад, — подсчитала я.

— Я влюбился в тебя с первого взгляда, — заявил Кайл. — За тебя, Кассандра Рок.

Хрусталь мелодично звякнул. Я прикоснулась губами к краю бокала, но пить не стала.

Это мы уже проходили. Сперва ужин и вино, столик как раз накрыт возле дивана — очень удобно. Я поерзала на месте, где-то здесь моя крепость и дала слабину. А уж затем Кайл утянул меня в спальню.

Он выпил до дна, поставил пустой бокал на

стол и склонился ко мне за очередным поцелуем, но между нами втиснулась Жозефина.

— Вообще-то я рассчитывал обнимать свою девушку, а не ее собаку, — пожурил ее Кайл. — Жози, место!

Он попытался спихнуть ее мохнатую попу с дивана, и я спрятала усмешку. Эта собака сама выбирает, где ее место, и так просто ее не согнать.

* * *

Подтверждая мои мысли, Жозефина растянулась на диване, всем своим видом показывая, что никуда она отсюда не уйдет. Еще и голову взгромоздила на колени Кайлу. А тот и сдался: почесал ее за ушком, погладил курчавую спину.

— Я б и сам завел собаку, — со вздохом признался Кайл. — Но боюсь этих выбросов энергии. У меня на прошлой неделе опять жаба сдохла.

— Сочувствую, — сказала я.

— Да ничего. Я ее не любил. Надо бы новую завести, а то начнутся мигрени и все такое… Но собака не идет ни в какое сравнение с жабой.

Жозефина блаженно жмурилась, согласно помахивая хвостом.

— К слову о мигренях, а ты бывал у нашего лекаря? — спросила я.

— У доктора Шменге? Заходил пару раз, — ответил Кайл. — А что?

— Он не показался тебе странным?

— Да нет, вроде. Он мне носки подарил, в полоску. А ты себя плохо чувствуешь? Ты совсем ничего не ешь, Кэсси. Погоди-ка минутку…

Он сдвинул Жозефину с колен и, поднявшись, скрылся на кухне. Что-то загремело, захлопало.

— Давай уже приступай к активным действиям, — прошептала я Жозефине.

— Сперва посмотрим, что еще он притащит, — так же шепотом ответила она.

Вернувшись, Кайл водрузил на стол блюдо с початым пирогом, отрезал щедрый кусок Жозефине, и та тут же спрыгнула с дивана, чтобы понюхать новое блюдо.

— Хочешь пирожка? — спросил он у меня. — Жози оценила.

А заодно совсем позабыла о своей миссии. Я покачала головой.

— Нет, спасибо. Вообще-то мы обе, — я чуть повысила голос, — отлично поели дома.

Но Жозефина как будто оглохла.

— Ты сегодня какая-то напряженная. Хочешь, сделаю массаж? — предложил Кайл и, не дожидаясь ответа, зашел за диван и положил руки мне

на плечи.

Ладно, это довольно приятно. Твердые пальцы прошлись по моим плечам, разминая уставшие мышцы, затем погладили шею.

— Я весь день в библиотеке проторчала, — пожаловалась я. — Если не сдам зачет, то боевка для меня закрыта. А Гроув точно завалит меня дополнительными вопросами.

— Откуда у тебя это горячее желание пойти на боевой факультет? Ты ведь такая нежная девушка.

Он помассировал мне виски, запустил пальцы в волосы. Вот если бы оставить наши отношения в таком формате — было бы просто отлично. Однако руки Кайла вновь легли мне на плечи, а затем соскользнули на грудь.

— Я буду скучать по тебе, Кэсси, — прошептал он. — Уже завтра я уезжаю. Мы не увидимся долгие три недели.

Он склонился, и горячие губы прошлись по моей шее и сомкнулись на мочке уха. На какую-то долю секунды я даже засомневалась — не дать ли Кайлу еще один шанс. Вдруг на этот раз все пройдет удачнее. Но Жозефина доела пирог, вылизала тарелку и наконец вспомнила, зачем ее вообще сюда взяли. Она взвыла дурниной, и я

подскочила от неожиданности, стукнув Кайла по зубам затылком.

— Ааауоаыыы, — выла моя собаченька, перебирая лапами и запрокинув морду кверху. — Уоооааууу!

— Что с ней? — пробормотал Кайл, потирая ушибленный подбородок.

Убедившись, что привлекла наше внимание, Жозефина повалилась на спину и еще прикрыла лапой глаза. Получилось драматично.

— О, нет! — воскликнула я, вскочив с дивана. — Жозефине плохо!

— Пирог отличный, если что, — сказал Кайл. — С кроликом. Фрэнку бабка вот только с утра передала.

— Наверное, у тебя дома скопилось много плохой энергии, — с укором произнесла я. — Раз уж жаба подохла, а новую ты не завел.

— Собака наелась и просто решила поспать.

Он обнял меня, увлекая назад на диван, но Жозефина глухо застонала.

— Кайл, прекрати! — потребовала я, отталкивая его руки. — Мне надо срочно вывести ее на свежий воздух.

— Давай я вынесу ее в сад, и мы вернемся к свиданию, — не сдавался он.

Кайл попытался соскрести Жозефину с ковра, но она быстро перевернулась на живот и ухватилась зубами за ножку стола.

— Она симулянтка! — воскликнул Кайл. — Кэсси, может, оставим собаку здесь, а сами переместимся в мою комнату? Там сможем спокойно поговорить, о чем захочешь… Хоть о докторе, хоть о Гроуве. О, вспомнил! Фрэнк рассказывал, что видел его на старом кладбище.

— Возле старого кладбища? — уточнила я.

— Нет, прямо внутри. Фрэнк на зельях специализируется. Собирал кладбищенскую землянику.

— Это запрещено, — нахмурилась я.

— Ну, знаешь, законы на то и придуманы, чтоб их нарушать, — пожал плечами Кайл. — Так вот Фрэнк клялся, что видел Гроува. Ночью. С лопатой.

— Может, добывал умертвий для занятий?

— Скорее всего, — согласился Кайл и, взяв меня за руку, потянул в спальню. — Пойдем, я покажу тебе на карте, где это было.

Точно. В его комнате на стене висит карта академии. Я пялилась на нее все то время, которое провела под Кайлом.

— У меня для тебя еще один сюрприз, — многозначительно добавил он.

Знаю: лепестки на постели и цепочка с кулоном-сердечком. Вообще-то это было даже мило, хотя лепестки липли к коже, и пару штук я потом достала из совсем не подходящих для этого мест.

— Я не буду спать с тобой, Кайл, — выдохнула я, решительно высвободив руку.

* * *

— Почему? — искренне удивился он. — Шерри сказала, что…

Кайл запнулся, но мы с Жозефиной внимательно на него уставились.

— Что сказала Шерри? — спросила я.

— Ничего, — отмахнулся Кайл. — У нас с тобой годовщина, и я надеялся…

— Три месяца, — исправила я. — Давай не юли, Кайл. При чем тут вообще Шерри?

— Я спросил, что тебе подарить, слово за слово, и она рассказала, что собираешься дарить ты, — пояснил Кайл и обнял меня, ненавязчиво увлекая в сторону спальни и воркуя как голубь: — Кэсси-котеночек, ты боишься? Я буду очень нежным. Ты сделаешь меня самым счастливым. Это лучший подарок на годовщину отношений.

— На три месяца, — упрямо исправила я, сбрасывая его руки с талии.

— Кэсси, — Кайл выдохнул, будто набираясь решимости, и, набрав в грудь побольше воздуха, выпалил: — Я… люблю тебя.

Раньше он тоже говорил о любви, но как-то более обтекаемо: вроде — влюбился в твои зеленые глаза, обожаю твои сладкие губки и все такое. А вот так прямо признался — впервые.

Но правда в том, что я не могу ответить ему тем же. Может, в этом и проблема: я просто его не люблю?

— Если любишь — подождешь? — предположила я.

— Да сколько можно! — вдруг возмутился Кайл. — Надо мной уже парни смеются!

Я удивленно вскинула брови.

— А у нас что, какой-то план горит? — поинтересовалась я.

— Ну, ты же не дура и должна понимать, что если парень целый год… Ладно, три месяца, — сам исправился он, — только и делает, что вьется вокруг тебя и даже не смотрит на других девчонок, то его полагается наградить.

Я закатила глаза и попятилась к двери.

— Ты сейчас рассуждаешь как собака, — ответила я. — Печеньку тебе дать за хорошее поведение?

— Лучше просто — дать, — усмехнулся Кайл. Он пригладил светлые кудри ладонями, возвращая самообладание. — Прости, я погорячился. Но ты сама виновата — такая красивая. Ну, Кэсси, что ты ломаешься? Я быстренько…

Он шагнул ближе, вновь попытался меня обнять, но Жозефина клацнула зубами, и Кайл поспешно отдернул руку.

— Хорошо тебе провести каникулы, Кайл, — пожелала я, нажимая на дверную ручку и сбегая по ступенькам.

— Кэсси, — он остановился в дверном проеме. — Вернись. Если ты сейчас уйдешь, то как раньше не будет! Я не стану больше за тобой бегать, так и знай! Ты пожалеешь, что ушла! Кэ-эсси! Так, кто сожрал весь пирог?!!

Его голос еще долго доносился до нас с Жозефиной, но мы обе не стали ему отвечать.

Ночной воздух был ароматен и свеж, а скособоченная луна светила ярко, как огромный фонарь. Я вдохнула поглубже, с наслаждением подставляя лицо прохладному ветру.

— Вообще-то Кайл не очень, — сказала Жозефина. — Хоть и похож на пуделя. Чуть что не по нему — растявкался как чихуахуа.

— Угу, — согласилась я.

— А эта его утка? — она пренебрежительно фыркнула. — Только в зубах застряла. Зачем нам парень, который плохо готовит?

— Угу, — вновь промычала я.

— Вот бабушка Фрэнка — совсем другое дело, — уважительно протянула Жозефина. — Пирог — объедение! С кроликом, и никакого лука. Если честно, это я его съела. Ну, пока вы там выясняли отношения.

— Угу.

— Что ты заладила «угу-угу» как сова? — спросила Жозефина, повернув ко мне морду. — Ты расстроилась?

— Нет, — ответила я. — Вообще не расстроилась. А ты молодец, отлично справилась.

— У меня явный актерский талант, — похвасталась собака.

— Хотя иногда ты слегка переигрывала. Вот с обмороком.

— Я думала или обморок, или наблевать на ковер, но это больше кошачьи дела, а я не люблю кошек, — пояснила она. — Кошки вредные. Смотрят на тебя, как на блоху. А еще норовят удрать на дерево, как белки. Я так считаю: если ты не белка, то нечего и лезть на дерево. Будь добр — бегай себе по земле, чтоб по-честному…

Она все болтала о коварных кошках, а я шла рядом, чувствуя теплое прикосновение мохнатого бока к бедру и понимая, что сейчас все сделала правильно. Пусть Кайл останется в прошлом.

Но при чем тут Шерри? Она случайно ему проболталась, либо за этим что-то скрывается?

И что Честер Гроув на самом деле забыл на кладбище?

Глава 5. Два дня до зачета

Ветер трепал разноцветные флаги, разносил ароматы печеной картошки и вафель, бесцеремонно ерошил дамам прически. На зрительных рядах толпился народ, но Честер нашел ее мгновенно — взгляд притянуло к Кэсси словно магнитом. Сегодня она забрала волосы в хвост, надела черные брючки и блузку цвета бешеной канарейки и, кажется, была здесь одна.

Пробравшись через толпу, Честер встал рядом с Кэсси, протянул ей стакан с вишневой газировкой. Кэсси недоуменно глянула на напиток, потом на него и вдруг улыбнулась с таким восторгом, что сердце Чеса пропустило удар.

— Вы мне все же поверили! — воскликнула она и, выхватив у него из руки талон, с удивлением прочитала: — Пять флоренов на Буревестника? Ох, мастер Гроув, вы меня разочаровываете…

— Уж как-нибудь переживу, — бросил он, облокотившись о перила. — Видел я твою Хромулю, кляча клячей.

Кэсси закатила глаза и поправила пушистую прядку волос, что лезла ей в глаза.

— Моя Хромуля уделает Буревестника и остальных, и я уйду отсюда с кучей денег, — похвасталась она, торжествующе помахав своей ставкой, а потом предложила: — Давайте поспорим, мастер Гроув. Если Хромуля придет первой, вы поставите мне зачет.

— Завтра, — сказал он. — В двадцать один ноль-ноль я жду тебя в аудитории номер пять. А оттуда ты направишься прямиком на кафедру астромагии и предсказаний с просьбой принять тебя на следующий курс. Раз уж тебе не дает покоя будущее.

— Моя подруга там учится, — сказала Кэсси, вновь убирая с лица упрямую прядку. — Рита Левонски. Отлично раскладывает карты. Хотите, она и вам погадает?

— И предскажет скорую кончину? — усмехнулся он.

— Зачем же вы сюда пришли, если не верите мне? — полюбопытствовала Кэсси.

— Сам не знаю, — признался Чес, пожав плечами. — В общем, мне просто нечем было заняться. Ты осталась последняя на потоке. Может, давай я не поставлю тебе зачет уже сегодня?

Кэсси фыркнула и, отпив глоток, облизнула губы, яркие от вишневого напитка.

— Я вас еще удивлю, — пообещала она.

— Я бы предпочел обойтись без потрясений, — сказал Чес. — О, вот и наши кони.

На ипподром выпустили скакунов, повели перед зрителями, выкрикивающими имена своих фаворитов. Буревестник горделиво изгибал черную шею, тряс пышной гривой, бил копытом. Жокей вел его первым, и явно гордился своим жеребцом. Хромуля выглядела куда проще, но Чес покривил душой, назвав ее клячей. Неприметная мышиная масть под солнцем заблестела серебром, а тонкая стать обещала легкий бег.

— Хромуля, кажется, мальчик, — удивленно пробормотала Кэсси.

— Вообще-то если ты вернулась из будущего и решила разбогатеть на ставках, то могла бы запомнить первые три места, — поучительно сказал Чес. — Это дало бы куда больший выигрыш.

— А максимальный вариант? — живо поинтересовалась она.

— Угадать победителей всех заездов подряд, — ответил он.

Кэсси задумчиво покивала.

— Я разговаривал вчера с ректором, — вырвалось у него против воли. — Он сказал, что невозможно запустить колесо времени. Мытарь

прячет артефакт и не подпускает к нему никого.

Кэсси молча наблюдала за лошадьми, которых развели по местам.

— Колесо времени скорее пружина, — продолжил Чес. — Запустишь раз — и потом захочешь возвращаться снова и снова.

— Не захочу, — ответила Кэсси. — Сдам этот проклятый зачет и буду жить дальше. — Она стрельнула в него взглядом. — Надеюсь, и вы тоже, мастер Гроув.

Сигнал к старту прогремел раскатом грома, и лошади понеслись по кругу.

— Давай! — Кэсси подпрыгивала от нетерпения. — Хромуля, поднажми! Смотрите, мастер Гроув, — она схватила его за руку, — ваш конь впереди!

На первом круге Буревестник обошел остальных на два корпуса, и тревога, свившая гнездо в сердце Чеса, исчезла. Это все шутки взбалмошной студентки. Нелепая выдумка. Ее тонкие пальцы сжимали его ладонь, но она, кажется, этого вовсе не замечала.

— Хро-му-ля! Хро-му-ля! — скандировала Кэсси, азартно отбивая ритм стаканчиком с газировкой.

На втором круге отрыв увеличился еще на один

корпус, и Чес усмехнулся, разглаживая на перилах свой билет. Так он еще и разбогатеет.

— Почему Хромуля? — спросил он. — Вроде бы бежит без проблем.

— Без понятия, — тут же откликнулась Кэсси, отпустив его руку. — Я впервые на скачках.

А на третьем круге Чес вцепился в перила, наблюдая, как серебряный конь вдруг полетел вперед, точно выпущенная из лука стрела.

— Да! Да-а-а! — выкрикнула Кэсси, румяная от восторга. — Победа! Хромуля пришел первым! Теперь вы мне верите?

Чес смял свой билет и бросил в урну, пытаясь скрыть досаду. Глупости. Это случайность. Либо договорной забег, о котором Кэсси как-то узнала. Она задумчиво наблюдала за ним, кусая губы, а потом выпалила:

— У меня есть идея! Мастер Гроув, вы не откажетесь выпить со мной чашечку кофе?

Чес вопросительно изогнул бровь, но после кивнул.

— Отлично, — сказала Кэсси и, проскользнув мимо него, направилась к выходу, ловко лавируя в толпе. — Я знаю неплохое кафе неподалеку, — пояснила она, обернувшись. — И вот какой у меня план: вы, мастер Гроув, расскажете мне

какой-нибудь маленький секрет. Что-нибудь такое, что я никак не могла бы узнать. Чтобы в следующий раз, если вы вдруг опять помрете, мне не пришлось биться головой о стену вашего недоверия.

— Ты правда думаешь, что я возьму и открою тебе все свои тайны? — насмешливо уточнил Чес, обогнав ее, чтобы открыть дверь к кассам, и пропустил Кэсси вперед.

— Не тайны, — возразила она, укоризненно глянув на него снизу вверх. — Речь о маленьком секрете. К примеру, чем вы таким занимаетесь на старом кладбище?

* * *

Честер Гроув выглядел непривычно расслабленным, даже пробор в густых волосах слегка разметался. Скинув пиджак на спинку стула, Гроув поддернул повыше рукава серой рубашки и, оглядев картонку меню, сделал заказ: кофе и пончик.

— А я хочу кусок шоколадного торта, — выбрала я. — И еще шарик ванильного мороженого. И капучино. — Официантка кивнула и унесла меню, а я повернулась к Гроуву. — Надо ведь отпраздновать победу Хромули. Я угощаю.

Деньги жгли мне карман, и, к своему стыду, я и правда подумывала о том, что можно вернуться в исходную точку еще разок и сделать ставку побольше. Выскрести все до копейки, или даже взять в долг, что-то продать…

— Я заплачу, — перебил мои размышления Гроув.

— Это я вас пригласила, значит, счет мне, — упрямо ответила я. — Хотите взять что-нибудь еще?

— Кэсси, ты не будешь платить за мой пончик, — отрезал он.

— Как будто ваш пончик — это какой-то принципиальный момент, — фыркнула я. — Что случится, если его оплатит девушка? Вы что, будете обязаны поставить ей зачет по боевке?

— Как знать, вдруг ты решила таким нехитрым образом дать мне взятку, — ухмыльнулся он. — Но нет, Кэсси Рок, и не надейся.

— Почему я вам так не нравлюсь, мастер Гроув? — спросила я напрямик.

— Я никогда не говорил, что ты мне не нравишься, — возразил он, нахмурив брови.

— Ну, чтобы это понять, не надо быть семи пядей во лбу, — заметила я. — Давайте, колитесь. А потом я использую это как козырь, чтобы убедить

вас в том, что не лгу.

А заодно это развеет атмосферу свидания, которая тут, в кафе «Две сдобные плюшки», сгустилась — хоть ножом режь. В узкой вазочке на столе растопырился мелкий подсолнух, пахло сдобой и корицей. А мастер Гроув, сидящий напротив, казался куда мягче и словно доступнее, чем обычно: без галстука-бабочки и привычного жилета, застегнутого наглухо, как броня.

— Ты ведь говорила, что больше не станешь запускать ради меня колесо, — напомнил он.

— Я передумала, — ответила я. — Мне будет жаль, если вы умрете, мастер Гроув.

Нам подали сладости и кофе, и я придвинула к себе сочный кусок шоколадного торта. Выглядел он восхитительно: тонкие коржи, бисеринки крема, выступившие на срезе и толстый слой благородно матовой глазури. Шарик ванильного мороженого, украшенный листиком мяты, слегка подтаял, и я вонзила в него ложечку, жалея, что не заказала два.

— С чего вдруг в твоем сердце проснулась жалость, Кэсси? — поинтересовался Гроув, который наблюдал за мной так пристально, словно сам захотел сожрать мой торт.

— Может, я добрая, — предположила я, насла-

ждаясь гармонией вкуса. — А может, не хочу оставить без работы доктора Шменге. Кто же будет калечить студентов, если не вы, мастер Гроув? А может, мне хочется распутать это дело и узнать, почему такой сильный мужчина, как вы, вдруг так нелепо погиб.

Он все разглядывал меня со странным выражением лица, а потом произнес:

— Милая блузка. Забавно, что тебе идет даже этот кошмарный цвет.

— Спасибо, — чинно ответила я, решив не придираться к сомнительному комплименту. — К слову, мастер Шу в синем сегодня. Вы изменили ее будущее небрежно брошенными словами. Я даже боялась, что Хромуля не сможет победить. Но, видимо, были задеты не слишком большие пласты реальности.

— Или ты все же врешь насчет колеса…

— Да как можно быть таким твердолобым? — не выдержала я, отбросив ложечку. Та со звоном упала на пол, и расторопная официантка тут же подала мне другую.

— Кто из нас еще твердолобый, — рыкнул Гроув, склонившись над столом. — Что ты забыла на боевке, Кэсси Рок? Ты халтурила все занятия! Ты прогуливала!

— Лишь раз.

— У тебя ни выдержки, ни таланта…

— Ну, знаете, — обиделась я. — Может, это вы как препод не очень. Раз не сумели раскрыть мое дарование.

— Ты девушка, в конце концов! Посмотри на себя! Ну какой из тебя боевик в этой цыплячьей блузке, с этими твоими кудрями, щечками, ресничками и… — он взмахнул рукой, нарисовав в воздухе нечто вроде волны, и схватил кофе, понимая, что сболтнул лишнего.

Я смотрела на него, прищурив глаза, и он буркнул:

— Что?

— Я проявляю чудеса выдержки прямо сейчас, — заявила я. — Видите? Я не ору в ответ и даже не облила вас капучино.

— Может, тебе его просто жалко, — предположил Гроув, не особо промахнувшись мимо истины.

— Значит, весь секрет в том, что вы — поганый сексист? — предположила я, отпив капучино — и правда вкусный, жаль переводить зря. — Нет, что-то не сходится. Марту вы зачислили. И Виолу. А у той изгибы, что вы так художественно изобразили, покруче моих. Что ж, значит, личная

неприязнь. Хотя, как преподаватель, вы должны уметь оставлять в стороне всякие чувства.

Он вздохнул, покачал головой и откусил разом половину пончика.

— Давайте вернемся к тайнам, — предложила я. — Что вы делали на кладбище, мастер Гроув?

— Не твое дело, — промычал он.

— Тогда расскажите какой-нибудь милый секретик, — попросила я. — С какой игрушкой вы спали в детстве? — Он вытаращился на меня, и я пояснила: — Вряд ли вы сразу родились мастером боевых искусств. Был ведь какой-то плюшевый мишка или там котик, который защищал вас от страшного подкроватного монстра.

Он страдальчески закатил глаза и глотнул кофе.

— Я никому не скажу, — шепотом пообещала я. — Только вам. Если вдруг придется вернуться еще раз.

Гроув запихнул себе в рот вторую половину пончика.

— Тогда имя вашей первой девушки, — предложила я. — Это вы можете сказать?

Его голубые глаза на миг затуманились от воспоминаний.

— Вижу, она у вас была, — проницательно за-

метила я. — Ну, и?

— Давай так, — предложил он, слизнув крошку, приставшую к губам, — ты рассказываешь, как уболтала мытаря дать тебе колесо, да еще и помочь выставить стрелки, а я говорю имя.

* * *

Я чуть тортом не подавилась от такой вопиющей наглости.

— Я, значит, открою вам секрет использования редчайшего артефакта, а вы мне — всего-то лишь имя девчонки, которая о вас и думать забыла? — возмутилась я. — Так нечестно!

— Ну, мне не особо интересны имена твоих парней, так что равноценного обмена не выйдет, — криво усмехнулся он.

— Если хотите секрет колеса, то дайте мне тоже что-нибудь веское, — потребовала я. — Вы явно что-то скрываете, мастер Гроув. Взять хоть ваши прогулки по кладбищу. Вообще-то студентам туда ходить запрещено.

— Вот именно. Я не студент, — напомнил он. — Хожу, куда захочу. Наслаждаюсь всеми прелестями взрослой жизни.

— Сомнительная радость — шататься по старым могилам, — заметила я. — Смею напомнить,

что и этим убогим наслаждениям вскоре придет конец. Если только вы не измените свое будущее. А для этого всего-то нужно поставить мне завтра зачет и пойти спать с чистой совестью.

— Если я поставлю тебе зачет, то точно не усну, — отрезал Гроув. — Из тебя боевик, как из меня балерина. Встречное предложение: ты рассказываешь, на кой тебе боевка, а я говорю, какая игрушка была у меня в детстве.

Я задумалась, хмуро уставившись в опустевшую тарелку, а Гроув щелкнул пальцами и, позвав официантку, ткнул в мою сторону.

— Еще торт.

— Нет, — спохватилась я. — Давайте лучше ягодное пирожное. Вон то розовенькое, с витрины.

Передо мной появилось блюдце с воздушным суфле, украшенным потеками густого джема и черникой, и я решилась. В конце концов, необязательно рассказывать все…

— После зачисления на курс все боевики проходят аттестацию на дееспособность, — нехотя сказала я. — Для того, чтобы не было претензий со стороны родственников в случае травм. И чтобы не требовались разрешения на всякие сомнительные операции. И для участия в сорев-

нованиях. Ну, вы в курсе.

Мастер Гроув молчал, но его пристальный взгляд ощущался теплой поддержкой, от которой даже стало неловко.

— Вот ради этого я собственно и иду на ваш факультет, — легкомысленно закончила я. — Ну и чтобы вас побесить, конечно.

Фраза прозвучала фальшиво, и Гроув не обманулся моим натужным весельем.

— Ты хочешь избавиться от опеки родных? — понял он. — У тебя проблемы в семье?

Я дернула плечом, положила в рот кусочек пирожного, но оно отчего-то показалось безвкусным.

— Сколько тебе лет, Кэсси?

— Двадцать.

— Значит, через год ты в любом случае получишь сертификат зрелости.

За год может случиться всякое, но Гроув зашел на территорию, куда я его пускать не собиралась.

— Знаете, почему кафе так называется? — бодро спросила я. — «Две сдобные плюшки»? Возьмешь одно пирожное — и вот уже незаметно доедаешь второе.

Так себе перевод темы, но Гроув не стал меня

больше расспрашивать.

— Овечка, — сказал он, откинувшись на спинку стула. — Моя игрушка. Пухлая как подушка, с пуговицами вместо глаз.

Я не смогла сдержать улыбку, как ни пыталась.

— Мастер Гроув, я унесу эту тайну в могилу, — торжественно пообещала я.

Больше я ничего из него не вытянула. Гроув стоял на своем и требовал раскрыть тайны колеса, потом расплатился по счету, не взяв с меня ни копейки. Он, конечно, оставался все тем же вредным преподом, завалившим меня на зачете, но я приятно провела время, и это открытие взволновало меня едва ли не больше перемещений во времени.

Выйдя из кафе, я запрокинула голову к небу, по которому плыли последние паутинки. Красный клен, что раскинулся прямо у входа, дал мне пять опавшим листком. Хороший получился день. Помнится, в прошлый раз я провела его в библиотеке, грызя гранит боевых искусств. Надо бы прогнать еще раз все вопросы, зачет уже завтра.

Мастер Гроув вышел следом и всучил мне бумажный пакет с фирменным знаком.

— Плюшки, — пояснил он. — Официантка ска-

зала — самые вкусные.

— Так я, чего доброго, решу, что вы за мной ухаживаете, — неловко пошутила я.

— Вообще-то это ты пригласила меня в кафе, — напомнил Гроув.

— На что это вы намекаете?

— Ни на что, — ответил он. — Ты, как никак, моя студентка. Пока что…

Я раздраженно закатила глаза, вернула ему пакет с плюшками и пошла вниз по улице. Гроув догнал меня в два счета и молча пошел рядом. Я пыталась прибавить шагу, но как-то все равно получалось, что я семеню на каблуках, а Гроув идет неспеша.

— Можно получить аттестат зрелости и другим путем, — сказал он. — Нанять адвоката, подать прошение… Все реально. Особенно если есть какие-то злоупотребления или… насильственные действия. Тебя обижают дома, Кэсси?

— Нет, — ответила я.

У меня теперь и дома-то не было.

Я скомкано распрощалась с Гроувом и ускользнула в переговорный пункт, где потратила пару флоренов, чтобы услышать то, что и так уже знала. Пустая трата денег, пустые надежды…

— Ой, а мы как раз уезжаем, — щебетала мама

из трубки. — Так хочется продлить лето, схватить еще немного тепла и солнышка. Альфред забронировал совершенно шикарный номер! С окнами на море, с огромной террасой. У нас толком не было медового месяца, так почему бы не наверстать сейчас. Ты ведь можешь остаться на каникулах в академии, милая? Уверена, ты найдешь, чем заняться.

— Найду, — сказала я. — Хорошо тебе отдохнуть, мама.

Я повесила трубку и сидела в будке, пока в нее не постучал очередной нетерпеливый клиент. Но когда вышла на улицу, Гроув меня ждал.

Он открыл передо мной дверцу машины, и я села в салон, пропахший булками.

— Я съел одну плюшку, — признался Гроув, сев за руль. — А потом вторую. Но там еще осталась пара штук для тебя.

Я кивнула, глядя на проплывающие мимо домики. Яркие и разноцветные, из окна машины они казались игрушечными, почти пряничными. А небо уже затянуло серым, к дождю.

— Кому ты звонила? — спросил Гроув.

Я повернулась, разглядывая его профиль: высокий лоб, прямой нос, жесткая линия подбородка.

— А вам какое дело?

— Никакого, — ответил он после паузы. — Мне абсолютно все равно.

* * *

Высадив Кэсси у академии, Чес загнал машину в гараж, а после, под начавшимся вдруг дождем, добежал до главного корпуса и вскоре постучал в архив.

— Мастер Шу, — широко улыбнулся он. — Синий — определенно ваш цвет.

Пара минут ни к чему не обязывающего флирта — и у него на руках оказалось личное дело третьекурсницы Кассандры Рок. Усевшись за стол тут же, в архиве, Чес изучил всю скудную информацию. Отец умер два года назад. Мать повторно замужем. Братьев-сестер нет. Потенциал одаренности выше среднего, положительный. Оценки на удивление неплохие. Стипендия не повышенная, но есть.

— Все в порядке? — участливо спросила мастер Шу. — Вы как будто обеспокоены чем-то.

— Не знаю, что делать с одной студенткой, — признался он. — Она хочет перевестись на боевку, но я уверен, что это будет ошибкой.

— Ох, Честер, сразу видно, что вы только пришли в преподавание. Так переживаете за каждого

студента, — то ли восхитилась, то ли пожурила она. — Тут бы со своими ошибками разобраться.

Мастер Шу легонько пробежалась пальчиками по его плечу, явно намекая, что не прочь ошибиться прямо сейчас.

— Это точно, — вздохнул Чес, захлопнув папку. Ошибок он совершил достаточно.

Глава 6. Последний день

Вечер я провела бездарно: жевала плюшки и листала конспект. За окном моросил дождь, и Жозефина устроилась у меня под боком, тихонько посапывая и не отвлекая болтовней. Однако учиться толком не получалось. Я скользила взглядом по формулам и плетениям рун, но мои мысли то и дело соскакивали на скорую гибель Гроува.

Скорее всего, я себя накрутила, и это был несчастный случай. Гроув зазевался, отвлекся на живописную могилку, тут внезапно вылезло умертвие и застало его врасплох. И на старуху бывает проруха, вот и мастер боевых искусств дал слабину. Все мы смертны.

Но я рассказала ему об опасности, и если Гроув не дурак, то волей-неволей будет вести себя осторожней. А в идеале — примет зачет у старательной студентки и пойдет домой спать. А прогулки по кладбищу оставит на потом.

Ночью мне снилось, как я бежала по коридору, который все не кончался. Позади шепелявил доктор Шменге, по стенам ползли Ритины тараканы, из двери выглянула мастер Шу — в оранжевом —

и укоризненно поцокала языком. Из следующей показалась Шерри, отсалютовав мне бокалом шампанского, затем Кайл с увядшим букетом…

Но когда я проснулась, на меня в упор смотрела Жозефина, и в ее глазах было столько любви, что дурной сон улетучился как не бывало.

— Ты такая красивая, когда спишь, — проникновенно сказала она. — Пойдем гулять? Гулять! Гулять! Я видела, ты проснулась. Вставай! Кэсси, мне очень надо!

На улицу я выползла толком не расчесавшись, в спортивках и старой кофте. Я добрела до пруда и рухнула на поваленное бревно, предоставив собаке свободу. Там я и встретила Фрэнка. Как и в прошлый раз.

— Тяжелое утро? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Обычное, — зевнула я, прикрыв рот ладонью.

— Наверное, сейчас завидуешь тем, у кого вараны да пауки, — предположил он. — С ними гулять не надо.

— Жозефина — моя любовь, — ответила я. — К слову, пирог твоей бабушки просто улет.

Сама я не пробовала, но Жозефина врать не станет.

Фрэнк согласно кивнул. Тряхнул головой, убирая с глаз отросшую челку. Он учился годом старше, на артефакторике, и мы не были особо дружны. Но он жил с Кайлом в одном доме, так что пересекались мы регулярно. Да и тут, в парке, я частенько его встречала.

— Как твой зачет? — спросил он.

— Сегодня иду, — ответила я. — Но, если честно, сомневаюсь, что сдам. Гроув уверен, что боевика из меня не выйдет.

Жозефина проскакала мимо, высоко подбрасывая лапы в мокрой траве. Потом вдруг вспомнила, что у нее есть хвост, и закрутилась на месте, пытаясь его поймать. Иногда на нее находило.

— А ты твердо решила? — спросил Фрэнк.

Я повернулась к нему. Голубые глаза, на носу веснушки, в рыжих волосах запутались золотые выгоревшие прядки — прямо в цвет осени. Забавно, что он интересуется моими делами куда больше, чем тот же Кайл.

— Мне это нужно, — коротко ответила я.

— Что ж, буду держать пальцы на удачу, — улыбнулся он. — Иногда везет там, где совсем не ожидаешь. Вот, к слову, вчера на скачках в первом заезде выиграла лошадь по кличке Хромуля. Можешь себе представить? Тем, кто на нее

поставил, повезло сорвать куш.

А ведь это благодаря Фрэнку я смогу побаловать себя новой сумочкой или походом в салон красоты. Это он рассказал про Хромулю, а я запомнила.

— Значит, я в боевке вроде Хромули? — усмехнулась я. — Так ты обо мне думаешь?

— Я думаю, что ты всех нас еще удивишь, — ответил он неожиданно серьезным тоном. — Ты такая…

Жозефина подскочила к куче листьев и зарылась в них с головой.

— Балбеска, — вздохнула я. — Придется мыть ее от ушей до хвоста. Что ты там говорил, Фрэнк?

— Ты рассталась с Кайлом? — выпалил он.

А вот этого разговора в прошлый раз не было — оно и понятно.

— Вроде того, — подтвердила я.

— И правильно, — сказал Фрэнк и сглотнул, как будто волнуясь. — Я не лез в ваши отношения, но с его стороны это не очень-то хорошо — крутить с одной девушкой, а жениться на другой.

— Что-о-о? — протянула я.

— Ты не знала? — удивился Фрэнк. — Кайл чуть ли не с детства обручен с дочкой деловых партнеров его отца. Астоны. Ты наверняка слышала

фамилию.

Я сердито отбросила желтый листик, а Жозефина, которая с наслаждением качалась по мокрой траве, вскочила, отряхнулась и подбежала ко мне, обеспокоенно заглядывая в глаза.

— Нет, я не знала, что у Кайла есть… обязательства, — сказала я, успокаивающе погладив ее по макушке. — Но теперь все это неважно.

— Что ж, — Фрэнк замялся, — так, может, если ты свободна… Мы могли бы…

— Сперва мне надо сдать зачет, — ответила я, поднимаясь с бревна и отряхивая штаны от прилипших иголок.

А там посмотрим.

— До встречи, Кэсси! — выкрикнул Фрэнк мне в спину, и я, обернувшись, помахала ему рукой.

— Он что, пригласил тебя на свидание? — шепотом спросила Жозефина, когда мы отошли подальше.

— Вроде того, — буркнула я.

Нет, ну вот какой Кайл козел! Ни полсловечка о том, что у него есть невеста. Не то, чтобы я хотела замуж…

— И ты не согласилась? — возмутилась собака. — Кэсси, как ты могла? У него такая бабуля! Ох, почему же я не оставила тебе кусок пирога… Если

бы ты только ощутила этот божественный вкус…

— Давай до дома наперегонки, — предложила я, перебив ее стенания, и кинулась вперед.

Жозефина обогнала меня в два счета, и ее уши подлетали, как два кудлатых крыла. Тропинка била по пяткам, свежий воздух врывался в легкие. Я почти догнала собаку, но она взлетела на крыльцо и обернулась на меня с видом победителя.

А когда мы вошли в дом, нас встретила Рита с совершенно скорбным лицом.

— Кристиан умер, — трагическим тоном сообщила она.

Он и в прошлый раз умер, но я снова успела испугаться.

— Это который с одним усиком? — уточнила Жозефина, пытаясь открыть дверь в ванную. — Он давно выглядел хилым. Едва шевелил ножками.

— Мне очень жаль, — сказала я и обняла подругу. Нужные слова никак не находились. — Он был хорошим тараканом, — добавила я не слишком уверенно.

Рита кивнула и всхлипнула, вытерла покрасневший нос.

— Как думаешь, это из-за меня? — жалобно спросила она. — Выброс негативной энергии и все такое.

— Я думаю, просто пришел его час, — честно ответила я.

— Ну, ты идешь? — поторопила меня собака. — Кристиану уже не помочь, а у меня лапки грязные.

— Иду, — сказала я Жозефине, которая уже запрыгнула в ванну и нетерпеливо переминалась на месте.

Таракана и правда не спасти, а вот Гроува вполне реально. Его час еще не пришел. Он не должен погибнуть сегодня!

Я аккуратно достала репей, прицепившийся к собачьему хвосту, включила воду, сделав ее приятно теплой.

— Как думаешь, из нас получатся боевики? — задумчиво спросила я.

— А то, — фыркнула она горделиво. — Слушай, а вчерашних плюшечек не осталось? Нет? Ох, как жаль. Помой меня хорошенько, а то я вся измаралась. Особенно спинку…

* * *

Рита ушла хоронить таракана, мне же удалось отмазаться от участия в этой скорбной церемонии — зачет на носу. Так что я позавтракала, покормила Жозефину и пошла в библиотеку,

чтобы порыться в секции боевых искусств.

Сидя за столом в читальном зале и листая учебник с рунами, я все отчетливей понимала, что при желании мастер Гроув по-любому меня завалит. У нас был только вводный курс боевки, и основную программу я худо-бедно знала. Но шаг вправо, шаг влево — и начинались такие дебри, куда мне не было хода.

— Кэсси! — Шерил уселась напротив, захлопнула мой учебник и, склонившись над столом, игриво прошептала: — Я хочу знать все, в подробностях.

Я вопросительно подняла брови.

— Про Кайла же! — воскликнула она. — Я заходила вчера, но Рита сказала, что тебя нет. Где ты была? Ночь любви перетекла в утро? Кайл так неутомим? Ну же, не молчи! Как все прошло?

— Прекрасно, — ответила я.

— Правда? — она накрутила светлую прядь на палец. — Значит, Кайл был на высоте?

— Ага, — кивнула я. — Он так расстарался: свечи, вино, цветы… Все было очень романтично. Как будто он готовился к вечеру. Как будто знал, что я, так сказать, созрела. Как будто кто-то ему рассказал.

Последнюю фразу я произнесла с нажимом,

и взгляд Шерри на секунду вильнул. Но после она накрыла мою руку своею и проникновенно произнесла:

— Я очень рада за вас. Давай же, не тяни. Это было страстно? Быстро? Нежно? Сколько раз?

— Зачем ты разболтала Кайлу, что я думаю с ним переспать? — спросила я прямо.

Шерри вздохнула и посмотрела на меня честными глазами. Похлопала ресницами.

— Я хотела как лучше, — призналась она. — Парни бывают такими тупыми. Я подумала — пусть Кайл подготовится как следует. Первый раз должен быть особенным.

Вообще-то к ее версии не подкопаешься. Может, она и правда проговорилась из лучших побуждений. Шерри — та еще болтушка и сплетница.

Это натолкнуло меня на свежую мысль. Вчера с Гроувом толком не получилось сторговаться: он хранил свои секреты, как монашка девственность. Но Шерил может что-то знать.

— Давай так: я расскажу тебе про свидание с Кайлом, — предложила я. — Во всех грязных и смачных подробностях.

Даже немного жаль, что Жозефина не наблевала ему на ковер — это стало бы вишенкой, заслуженной Кайлом на все сто.

— Но сперва расскажи все, что знаешь про Гроува, — продолжила я. — За что его выперли из спецслужб?

— Ну, я не очень-то в курсе, — протянула она.

— Брось, Шерри, мимо тебя не проходит ни одна сплетня! Наверняка тебе что-то известно!

— Ладно, — оживилась она. — В общем, двоюродный дядя Аниты — ну ты знаешь Аниту, такая толстушка с кривыми зубами, — работал с Гроувом в одном отделе. Правда, дядя ее бумагами занимался, а Гроув — оперативник. Считался одним из лучших. Оно и неудивительно, парни с боевки говорят, он реально мастер. В общем, там было какое-то жутко засекреченное дело, с умертвием высшего порядка. И Гроув напортачил.

— Как? — ахнула я.

— Не знаю. И Анита не знает. Но после этого Гроув ушел со службы и осчастливил нашу академию собой.

— А что за умертвие? — заинтересовалась я и, подтянув учебник поближе, открыла классификатор. Так, высший уровень: личи, инкубы, парки…

Шерил пожала плечами и деловито потребовала:

— Теперь ты. У Кайла большой?

— Без понятия, — пробормотала я, водя пальцем по строкам. Что мне дает информация Шерри? Ничего она мне не дает. Упыри, вервольфы, халфакоши…

— Это как? — нахмурилась Шерри, накрыв ладонью страницу и заставляя меня поднять взгляд. — Ты что же, даже не рассмотрела? Только не говори, что ты напилась!

— Я рассталась с Кайлом, — ответила я. — Ничего не было.

— Как? — ахнула она, прижав руки к груди и заодно поправив оборки на блузке. — Почему?

Вздохнув, я оторвалась от классификатора и призналась:

— Я поняла, что я его не люблю. Да, Кайл симпатичный, и я ему тоже нравлюсь, но этого мало.

— А что тебе еще нужно? — рассердилась Шерри. — Собираешься до выпускного ходить в девочках?

Она фыркнула, как будто в этом было что-то оскорбительное.

— А хоть бы и так, — ответила я. — Я не возьму в толк, тебе-то что?

— Я не хочу, чтобы моя подруга была белой вороной, — отрезала Шерри. — Вроде этой твоей Риты. Что дальше? Заведешь тараканов? Я счи-

таю, это глупо — отказываться от удовольствий, вот и все.

Я бы не назвала ночь с Кайлом удовольствием. Какое счастье, что теперь можно вычеркнуть ее из памяти и сделать вид, что ничего не было. Ведь этого и в самом деле не произошло!

— Ты совершила ошибку, Кассандра, — припечатала Шерил. — Упустила момент.

— В смысле? — нахмурилась я. — Так-то Кайл после каникул вернется. Он же не навсегда уехал.

— Ну, да, — согласилась она. — Ладно, мне пора. Удачи с твоим зачетом. Хотя мое мнение — не выпендривалась бы ты и шла на факультет попроще. Пока.

— Пока, Шерри, — ответила я и вернулась к классификатору.

Стрыги, шепотуши, бродники… Дальше пошла бесплотная нежить.

Я задумчиво прикусила ноготь, скользя взглядом по строкам. Интересно, с кем именно пришлось столкнуться Гроуву, и имеет ли это отношение к его скорой смерти?

* * *

Несмотря на каникулы, в академии жизни и смерти все еще оставался народ: кто-то как я — подбирал хвосты, кто-то решил не ехать домой и повеселиться без родительского присмотра. Или просто отдохнуть в одиночестве.

Я постучала в дверь дома, куда и не думала возвращаться, и мне открыл Фрэнк.

Его лицо осветилось такой неприкрытой радостью, что мне даже стало неловко. Щеки, усыпанные веснушками, зарозовели как спелые яблоки.

— Кэсси… — он растерянно улыбнулся и посторонился, разрешая мне войти.

— Почему ты не уехал домой, Фрэнк? — спросила я, проходя в дом.

При свете дня вся романтическая обстановка испарилась: на столе виднелись потеки воска, желтые шторы вернули себе свой отвратный ядовитый оттенок, вдобавок воняло носками, которые сиротливо выглядывали из-под дивана.

— Я? Ну… Хотел поработать над дипломом. Я уже выбрал тему. Очень интересное и многообещающее направление. Однажды я прославлюсь, вот увидишь.

Круглые краешки его ушей, выглядывающие из-под рыжей копны, горячечно покраснели.

— Кайл сказал, ты специализируешься на зельях. Но учишься на артефактора, — вспомнила я.

— Вот именно, — подтвердил Фрэнк, кивнув и тут же дернув головой, отбрасывая с глаз рыжую челку. — Вообще-то это секрет, но тебе я скажу. Тема моего диплома — создание артефактов с помощью пропитки предметов отварами, имеющими магические свойства.

— Очень интересно, — вежливо покивала я. — Значит, ты собираешь всякие редкие растения. В том числе на старом кладбище.

— Тоже Кайл проболтался? — недовольно вздохнул он. — Слушай, это не слишком большое нарушение, но я был бы признателен…

— Я никому, — заверила я. — Кайл говорил, ты видел там Гроува, с лопатой.

— Было дело, — подтвердил он. — Но я, как понимаешь, предпочел не попадаться ему на глаза и быстренько смылся.

— Значит, ты не в курсе, что он там делал? Может, заметил какое-нибудь умертвие рядом с ним, или запомнил — у чьей он стоял могилки…

Фрэнк помотал головой, и я раздраженно

убрала его челку с глаз. От моего случайного прикосновения он совсем раскраснелся.

— Иди-ка за мной, — позвала я его и пошла в комнату Кайла.

Тут царил настоящий разгром: шкаф распахнут, вещи валяются где ни попадя. Мой забытый букет медленно умирал в ведре у окна, а пожухлые лепестки усыпали пол и постель как конфетти после праздника.

Фрэнк громко сглотнул, глянув на кровать.

— Сюда смотри, — позвала я его и указала на карту академии, висящую на стене. — Где это было? Где ты встретил Гроува?

Фрэнк шагнул ближе и дрожащим пальцем ткнул в старое кладбище.

— Примерно тут, — сказал он. — Точнее не помню. Там растет отличный рыпник, а вот здесь, за оградкой, лжица. Забавное растение: пара ягод — и ты не сможешь сказать правду, как ни пытайся.

— Кому это надо? — удивилась я. Лжи вокруг — хоть залейся. Добыть бы правду.

— В секретных службах настои из лжицы очень уважают, — пояснил Фрэнк. — Даже под пытками не раскроешь секрет. Просто не сможешь.

Я поежилась, глядя на карту. Думать о пытках

не хотелось.

Фрэнк еще раз обвел пальцем небольшой пятачок земли на старом кладбище. Красный крестик был рядом. Выходит, мастер Гроув проходил совсем близко возле места силы, где его и убьют.

— Кэсси, так что, сходим куда-нибудь? — вновь набрался смелости Фрэнк. — Можно в кино. Завтра. Что скажешь? Сдашь свой зачет — и отпразднуем.

— Не факт, что сдам, — вздохнула я и повернулась к Фрэнку. — Почему ты ничего не сказал мне про Кайла? Если я тебе нравлюсь, то почему ты позволял ему меня обманывать?

— Ну, я предполагал, вдруг ты знаешь… — смутился он. — Кайл богатый и из важной семьи. Я — нет, пока. Но, Кэсси, однажды я стану…

— Да не в этом дело, Фрэнк, — поморщилась я. — Знаешь, я пока не хочу никаких отношений. Я только рассталась с Кайлом и не готова к новым… переживаниям.

Он поджал губы и кивнул. Рыжая челка вновь упала ему на глаза.

— Подстригись, — посоветовала я. — Ты себе так зрение испортишь. Куда вообще смотрит твоя бабуля?

Домой я вернулась в смешанных чувствах. Те

же три дня, те же люди, но теперь они поворачивались ко мне совсем другой стороной, и я будто попала в кривое зеркало. Кто друг, а кто враг — непонятно. Ясно одно: Жозефина никогда меня не предаст.

— Может, возьмешь меня с собой? — предложила она, помахивая хвостом. — Я буду тебя морально поддерживать.

— Ты и так меня морально поддерживаешь, — заверила я. — А Гроув вряд ли поймет, если я приду на зачет с собакой. Пошлет меня на зоомагию.

Или просто пошлет. За эти три дня я нисколько не приблизилась к разгадке его смерти. Но к зачету подготовилась куда лучше, чем в прошлый раз. Плетения Кулькаса теперь от зубов отскакивали. Но Гроув наверняка спросит что-то еще.

Глава 7. Зачет

Ночь, душистая и прохладная, опустилась на студенческий городок. Я поднялась по широкой лестнице, прошла по узкому коридору и открыла дверь номер пять. В аудитории горели свечи, а на стене висел символ академии: череп, оплетенный вьюнком.

Мастер Гроув встретил меня предвкушающей улыбкой, которая не обещала ничего хорошего. Однако я вошла в кабинет, села за первую парту и, сложив руки на колени, как примерная ученица, вопросительно посмотрела на преподавателя. Он был в сером костюме тройке, золотая цепочка часов крепилась изящным зажимом к карману жилета. Нитка пробора, гладко выбритый подбородок. Я даже ощутила тонкий запах духов.

Может, у него после зачета свидание?

— Итак, Кассандра, — протянул Гроув. — Приступим.

Вздохнув, я кивнула, но мое согласие и не требовалось.

Поначалу все шло очень даже неплохо. Я оттараторила признаки присутствия бесплотной

нежити, рассказала возможные причины неупокоения душ. Слегка запнулась на различиях мавок и заманух, и Гроув, который прежде рассеянно кивал, оживился. Даже встал с места и, обойдя стол, присел на краешек, возвышаясь надо мной и едва сдерживая торжествующую улыбку. Но вновь поскучнел, когда я продолжила говорить.

— Заманухи поют ниже, и в голосе есть хрипотца, влекущее обещание, опасность, — вспомнила я. — Не любовь, но страсть. Волосы цвета мха, ногти мягкие, короткие, а вот зубы…

— Достаточно, — перебил меня Гроув. — Теория — это хорошо, но практика для боевика куда важнее.

Он вынул из кармашка круглые часы, открыл блестящую крышечку и поставил их на парту так, чтобы я видела бегущую стрелку. Постучал ногтем по циферблату.

— Представь, ты в поле, вдруг перед тобой появляется хмырь, слева зомбяк, справа — упырица. Твои действия. За минуту. Время пошло.

— Так, погодите, — встрепенулась я. — Откуда они все взялись? Это совершенно разная нечисть!

Часики тикали, но мое сердце заколотилось

куда быстрее.

— Допустим, на поле когда-то произошло большое сражение, — неопределенно взмахнул рукой Гроув. — Хмырь оказался привязан к месту смерти, зомбяк не смог уйти далеко, а упырица оказалась сентиментальной, с ними бывает. Она вернулась на поле, где когда-то погибла как человек, а там — ты. Такая аппетитная.

— Сперва я попробую убежать, — предположила я. — Раз зомбяк не смог уйти, значит, он калеченый.

Гроув согласно покивал, и я воодушевленно продолжила:

— На хмыря наложу плетение житницы. Он забудет обо мне тут же. А упырица…

Вздохнув, Гроув со щелчком захлопнул блестящие часики и спрятал их назад в карман.

— Ты умерла, — подытожил он.

Череп, обвитый вьюнком, печально смотрел на меня со стены пустыми глазницами.

— Но как же так?! — воскликнула я.

— Время вышло, — безжалостно продолжил Гроув. — Пока ты бегала от калеченого зомбяка и кидалась плетениями в хмыря, упырица уже присосалась к твоей нежной шейке. Тебе конец, Кэсси Рок. И зачет ты не сдала.

— Так нечестно!

Я даже вскочила с места, возмущенная до глубины души.

— А что честно? Отправить тебя на поле боя? — спросил Гроув. — Нечестно переть туда, где тебе не место.

— Это не вам решать! — злые слезы обиды выступили у меня на глазах, и Гроув, нахмурившись, вынул из кармана теперь не часы, а маленькую прямоугольную карточку и постучал ее уголком о парту.

— Здесь номер адвоката, который занимается делами вроде твоего, — сухо сказал он, аккуратно положив визитку передо мной. — Один из лучших. Я могу взять на себя расходы.

— С чего вдруг? — я так удивилась, что даже забыла об обидах. — Я не собираюсь брать у вас деньги!

Гроув усмехнулся, потер подбородок.

— В долг, — предложил он. — Отдашь, когда выучишься на предсказательницу или знахарку. Или вот ритуалистика, тоже хороший факультет.

— Я не могу…

— Считай, я от тебя откупаюсь, — раздраженно перебил меня Гроув. — Берегу свои нервы,

которые очень тяжело восстанавливаются даже магическими эликсирами. Я не знаю, что там у тебя с родней, но куда лучше решить все с помощью грамотного юриста, а не портить себе всю оставшуюся жизнь.

— Значит, зачет вы мне не поставите, — угрюмо уточнила я.

— Как я могу? — развел руками Гроув. — Ты не ответила на вопрос. Кто же бежит от зомбяка, если рядом высшая нечисть? Сперва ты должна была уложить упыря. Хоть бы плетением Кулькаса.

— А я его знаю, — торопливо спохватилась я, складывая пальцы в знак и вызывая в памяти символ.

Гроув мгновенно подался вперед, схватил меня за запястье и накрыл мои пальцы другой рукой.

— С ума сошла? — почти ласково спросил он, а запах стал ярче.

Что-то острое и опасное, и как будто густой темный лес… В глубине прячется озеро, с голубым всплеском неба, кувшинки и тайны, и облака мчат по воде… Вдруг промелькнула мысль, что Гроув так разоделся ради зачета. Ради меня.

— Как действует плетение Кулькаса на людей, помнишь? — вернул он меня к реальности.

— Ой, — сказала я, облизнув пересохшие губы. — Там это… потеря волосяного покрова, сосуды в глазах…

Мастер Гроув вздохнул и отпустил мое запястье.

— Дайте мне еще один шанс, — попросила я.

Он поджал губы и покачал головой.

— Я бы назначил тебе пересдачу, но ты и так затянула с зачетом…

— Это вы затянули! — напомнила я. — Вы сделали так, чтобы времени не осталось. Я ответила на все вопросы, допустила лишь одну ошибку. Это все из-за часов! Стрелка меня нервировала!

— А когда ты встретишь какого-нибудь мертвяка, так сказать, вживую — уж прости парадокс, то проявишь чудеса хладнокровия, — с сарказмом произнес Гроув. — Свободна!

— Вы мстите не мне, — поняла я.

— Месть? — переспросил он. — Причем тут месть? Ты о чем, Кэсси?

— Мстите не мне, а самому себе, — продолжила я свою мысль. — Вас выставили из спецслужб из-за одной ошибки, так? Дело с высшей нечистью. Вы не можете простить себя, а наказываете других. Не прощаете ни малейшей ошибки!

Гроув склонил голову, посмотрел на меня ис-

подлобья, и его голубые глаза будто пригвоздили меня к месту. Даже мурашки по спине побежали.

— Не лезь в это дело, Кэсси, — с угрозой произнес он. — Ты понятия не имеешь, куда ввязываешься.

— Так уж и не имею? — засомневалась я. — Куда вы собрались, мастер Гроув? Для кого этот костюм и духи? У вас свидание ночью? Уж не на кладбище ли? Странный выбор, но у мастера боевых искусств свои представления о романтике. Сейчас вы совершаете еще одну ошибку, роковую.

— Решила разыграть потасканную карту с колесом времени? — понял он и наклонился ко мне ближе, а его голубые глаза гневно прищурились. — Держись от меня подальше, Кэсси Рок, — тихо приказал Гроув, и в его голосе мне померещились и томная хрипотца, и влекущая опасность, от которой мурашки вновь ожили и рванули по коже целой толпой. — Ты меня поняла?

— А может, у вас роман с упырицей? — предположила я. — Почему в задаче была именно женщина? Это важно?

Гроув страдальчески закатил глаза и, оттолкнувшись от парты, стремительно вышел вон. Дверь в аудиторию громко захлопнулась, свечи

как по команде погасли, и я осталась в темноте одна. И без зачета. Снова.

Я задумчиво взяла визитку с парты. Глянцевый прямоугольник, золотая кайма. Строго, стильно, дорого. Прищурившись, прочитала: «Джонатан Стоун, юрист». Со стипендии я его точно не потяну, и в долг брать не стану. К тому же, если Гроув сегодня умрет, то и этот вариант отпадет.

Я сунула визитку в карман и поспешила прочь. Я знаю, где это будет. Знаю — когда. У меня даже есть подозреваемый — Шменге. Надо предотвратить преступление, а потом уже договориться с Гроувом о пересдаче. Если я спасу ему жизнь, то он не посмеет мне отказать!

* * *

Не такая уж я безмозглая дурочка, какой считает меня мастер Гроув. Я не собиралась сидеть в засаде у оградки старого кладбища. Меня могли там обнаружить и, чего доброго, прибить за компанию с Гроувом. Нет, я планировала зайти с тыла…

— Точно не будет укола? — спросила в который раз Жозефина, вышагивая рядом со мной.

— То есть то, что доктор Шменге — предполагаемый убийца, тебя не волнует? — уточнила

я. — Никаких уколов, я обещаю.

Жозефина выдохнула и потрусила бодрой рысцой по тропинке к роще, у которой ютился целительский корпус. План такой — я понаблюдаю за доктором Шменге, и, если он куда-то направится, пойду следом, тихо как мышь.

— Фу, опять этот запах, — пожаловалась Жозефина, когда мы приблизились к серому прямоугольнику здания.

Я шикнула на нее и подкралась к окну. Шторы все также были задернуты, и свет не горел.

— Неужели уже ушел? — расстроилась я.

Вообще-то в академии жизни и смерти половина занятий проходит ночью. Вдруг у меня бы случилось нервное расстройство после дважды несданного зачета? Кто бы меня тогда вылечил?

Помявшись возле крыльца, я решила зайти. Если что — скажу, опять спина зачесалась, и сразу добавлю, что пришла не одна. Не станет он меня убивать при свидетелях.

Узкая кишка коридора тянулась вдаль, и я, добравшись до двери, застыла. В узкой щелке внизу горел теплый свет. Это что же, пока я ползла по коридору, Шменге вернулся?

Я глянула назад. Жозефина, кудлатый силуэт в дверном проеме, подбодрила меня кивком.

— Если что — беги со всех ног, — громким шепотом посоветовала она. — Я прикрою.

Я постучала, нажала на ручку, и дверь тихонько открылась.

— Доктор Шменге? — позвала я.

Кабинет встретил меня тишиной. Все так же сиротливо жался в углу скелет в полосатом шарфике, на столике лежала раскрытая книга. Я прошла внутрь, отвернула обложку. Печальный всадник в широкополой шляпе скакал в кровавый закат, унося с собой «Боль одинокого сердца». Я положила книгу как было, подошла к окну.

Если Шменге забыл потушить лампу, то почему я не увидела свет с улицы? Он должен был хоть чуть-чуть пробиваться, несмотря на плотные шторы. Я решительно отдернула тяжелую ткань и уставилась на кирпичную кладку.

Мне понадобилась пара секунд, а потом я быстро задернула шторы.

— Не может быть, — тихо сказала я.

Взяв бокал с низкого столика, осторожно поднесла к лицу и понюхала. Густой бордовый осадок свернулся на донышке грязной гусеницей, но вином тут и не пахло!

Дверь зловеще приоткрылась, и я выронила бокал, который разбился вдребезги.

— Это я, — сказала Жозефина, заглянув в кабинет. — Ты что тут, пьешь?

Я попыталась наколдовать простейшее бытовое заклинание, но пальцы дрожали, и в итоге осколки собрались криво. Бокал получился приплюснутый и косой, с гнутой ножкой. Точно поганка, по которой поддали ногой.

Жозефина настороженно поводила головой по сторонам, попятилась, наткнулась попой на скелет и обернулась… Взвизгнув как щеночек, она одним махом запрыгнула мне на руки. Я покачнулась, но устояла. А скелет укоризненно покачал черепом.

— Уходим отсюда, — пробормотала я. — Быстро.

Правда, я все же задержалась в коридоре. Спустила Жозефину на пол и внимательно осмотрела стенку. На одном участке краска как будто слегка выделялась по цвету.

Не было никакого искривления пространства — поняла я, выходя в свежую прохладу ночи. Кабинет Шменге и правда дальше по коридору. А окно, которое ближе, обманка.

Лечебница без окон вызовет справедливые подозрения. А солнечный свет Шменге ой как не любит. Вот он и подстраховался — оставил

фальшивый кабинет, видимый снаружи и замурованный изнутри, а себе сделал настоящий, в котором кирпичная стена спрятана за шторами.

— Интересно, еще кто-нибудь знает, что наш доктор — упырь? — вслух подумала я.

Если Гроув встретил его в тот роковой час, то наверняка догадался. А может и нет, и Шменге напал первым, воспользовавшись эффектом неожиданности.

А ведь я знаю, как остановить упыря! Надо пойти и обезвредить его заранее. Вот только найти бы сначала.

— Жозефина, — сказала я. — Ты ведь собака.

— Да, — с достоинством подтвердила она. — Думаю, наполовину пудель. Я тут размышляла насчет второй половины. У меня прекрасный характер, спокойный и дружелюбный. Как у лабрадоров. Но еще я очень милая, особенно в профиль. Есть что-то от болонки, эдакое игривое очарование. Как это будет все вместе? Лабодудель? Болабрудель?

— Ты можешь взять след? — попросила я.

Какое-то время мы пялились друг на друга, но Жозефина молчала.

— Ты ведь такая одаренная, — польстила ей я. — Талантливая. Умная. У тебя прекрасное обо-

няние.

— Ладно, — вздохнула она. — Я попробую. Запах довольно сильный. След свежий. Кажется, доктор-упырь только недавно ушел.

Жозефина пошла вперед, иногда останавливаясь и принюхиваясь к опавшим листьям, а я тихонько плелась позади. Как вышло, что в академии работает вампир? Кто-то должен был знать! Под самым носом мастера боевых искусств орудует высшая нечисть!

Я представила шепелявого коротышку доктора рядом с мастером Гроувом. Странно, конечно. Я бы точно поставила не на Шменге. Но если Хромуля обошел Буревестника, то может и доктор сумел завалить боевика?

Не сумел — исправила я сама себя. И не сумеет. Я этого не допущу.

— Сюда, — прошептала Жозефина, остановившись на развилке. — Твой упырь пошел на старое кладбище.

Глава 8. Тут все и решится

Мы с Жозефиной нашли дырку в заборе. Одного прута не хватало, но куст боярышника удачно скрывал этот факт. Пышные ветки, густо усыпанные крупными бусинами ягод, возле ограды были обломаны. Жозефина вопросительно на меня посмотрела, и я кивнула.

Фрэнк сказал, это не слишком большое нарушение правил. Он, небось, сто раз так делал. И мастер Гроув сюда ходит, и Шменге. Да тут не кладбище, а проходной двор! Подумаешь, плюс девушка и собака…

Я проскользнула в дырку следом за Жозефиной и замерла.

Это был настоящий город мертвых: с памятниками, скульптурами, с огромными склепами, похожими на дворец. Кладбище тянулось до самого горизонта, где виднелись контуры мраморных крыльев и куполообразных крыш.

Клочья тумана лежали в низинах комьями ваты. Было так тихо, что я слышала недовольное сопение Жозефины. Она вернулась к дырке в оградке, обнюхала ее еще раз, а я мельком по-

думала, что Шменге сюда, пожалуй, пролезет, а вот Гроув с его плечами — вряд ли. Хотя он бы перемахнул оградку поверху и не заметил. Но место его возможной гибели не здесь.

Жозефина прошла вперед и свернула левее.

— Кажется, он тут часто ходит, — буркнула она. — Твой упырь.

Я собиралась поспорить, что Шменге вовсе не мой, но не стала.

— Тихо, — прошептала я. — Нам надо подкрасться к нему незаметно. Я жахну его плетением Кулькаса, и мастер Гроув просто обязан будет поставить мне зачет. Я докажу ему, что я — отличный боевик. А ты — моя незаменимая напарница.

Получив внезапную почетную должность, Жозефина приосанилась и побежала бодрее.

Круглый глаз луны висел в россыпи звезд, и я все не могла отделаться от ощущения, что за мной наблюдают. Мраморная дева проводила нас взглядом, и на ее гладких щеках навеки застыли крупные слезы. Бронзовый воин, опустивший свой меч, как будто вздохнул. Может, лучше бы нам вернуться?

Эта здравая мысль пришла ко мне запоздало, потому что хвост Жозефины напрягся, и вся она

вытянулась как струна, а затем я увидела доктора Шменге. Он лежал на могильном холмике, смотрел на звезды, и его круглое лицо, залитое лунным светом, казалось непривычно одухотворенным.

Жозефина присела за гранитным камнем, и я спряталась рядом с ней, прижавшись к теплому боку.

— Давай, кидай свое вязание, — прошептала она.

— Плетение, — исправила я. — Слушай, а он точно упырь?

— Ты у меня спрашиваешь? — изумилась Жозефина. — Кто из нас вообще боевик?

— Понимаешь, это как-то странно, — пояснила я. — Откуда взяться вампиру в академии? Его должны были обнаружить. Хотя бы при приеме на работу.

— Ну, воняет от него знатно, — протянула собака. — Но больше лекарствами.

— А вдруг у него просто светобоязнь…

— Бешенство?

— А в бокале был осадок от чая. А я надумала всякого, вот и померещилось…

Я в сомнении покусала губы и, осторожно высунув нос из-за гранитного памятника, тут же

спряталась назад. Доктор Шменге приподнялся на локтях и явно прислушивался.

— Нас засекли, — прошептала я.

Швырнуть в него плетением Кулькаса? Если он все же упырь, то окажется стянутым по рукам и ногам как минимум на час. Но если я вдруг ошиблась, то доктор Шменге потеряет волосы — везде, а его глаза покраснеют как ягоды боярышника. То-то Гроув будет торжествовать! Это станет эпичным провалом!

С другой стороны, а зачем доктору шастать по кладбищу и лежать на могильном холме? А с третьей — почему бы и нет? Что я вообще знаю о докторах? Мало ли какие у него увлечения? Может, на этой могиле растет какая-нибудь очень полезная травка, которая в полнолуние исцеляет от всех болезней.

— Кто здесь? — громко спросил Шменге.

— Что же нам делать? — испуганно прошептала Жозефина.

— Гавкни, — предложила я. — Пусть решит, что сюда забрался бродячий пес.

Жозефина откашлялась, прочищая горло, и громко сказала:

— Гав!

— Да не так! — с отчаянием пискнула я. — Как

обычная собака!

— Кас-с-сандра, — знакомый свистящий голос прозвучал прямо над моей головой. — Кэс-с-си Рок. Могу я узнать, что вы тут делаете?

* * *

— Я… Эм-м… Гуляю! — нашлась я. — С собачкой.

Выпрямившись, посмотрела в глаза доктору Шменге, пытаясь разглядеть характерный вишневый ободок вокруг зрачков. Упырь или не упырь — вот в чем вопрос. Кожа бледновата. Но если он целыми днями сидит в комнате без окон, то откуда взяться загару. Клыков не видать. Но у вампиров они вырастают непосредственно перед укусом. Пощупать бы пульс, а вернее — его отсутствие.

Жозефина жалась к ногам, и я чувствовала, как ее бьет крупная дрожь. Я успокаивающе потрепала ее по голове, сделала шажок назад, чтобы увеличить расстояние между мной и доктором.

— Гуляете… на кладбище? — с сомнением переспросил он, покосившись на Жозефину, которая сжалась в комочек, явно жалея, что среди ее предков не было мышей. Как бы тогда называлась ее порода?

— Здесь тихо. Спокойно. А вы? — с тем же наигранным удивлением в голове произнесла я. В конце концов, лучшая защита — нападение.

Доктор покивал.

— Тут и правда с-с-спокойно, — согласился он, шагнув за мной следом. — И никого…

— Ну, как сказать, — деланно рассмеялась я, обходя гранитный памятник и стряхнув с него приставший листочек.

— А что, вы вс-стретили кого-то? — уточнил Шменге.

— К примеру, вас. Да и в целом, оказалось, что кладбище — весьма оживленное место, — наврала я.

— Хотя студентам ходить сюда воспрещается.

— Надеюсь, вы меня не выдадите, — заговорщицким тоном попросила я. — Вы умеете хранить тайны, доктор Шменге?

Еще шаг, но доктор тоже переместился в сторону. Мы как будто танцевали вокруг безымянной могилы с гранитным надгробьем. Гладкий срез с одной стороны, шершавая выпуклость с другой. Имя и даты стерлись ветром и временем — не разобрать. Интересно, а что написано на могилке, на которой Шменге так безмятежно лежал?

— Как ваш зачет по боевке, Кас-сандра? — про-

явил он вежливый интерес.

— Завалила, — вздохнула я, но, спохватившись, добавила: — Это потому, что мастер Гроув ко мне предвзято относится. Так-то я и классификации знаю, и боевые приемы… К слову, как раз его я и встретила. Он тут, неподалеку. Мастер боевых искусств. Познакомить вас?

Шменге поморщился и качнул головой.

— Не с-стоит, — отказался он. — Боюс-сь, мы с ним не подружимся.

— Потому что его студенты частенько получают травмы? — предположила я.

— Именно так, — согласился он.

Тем временем мы как будто поменяли позиции: доктор остался у гранитного памятника, а я пятилась к могилке, на которой он отдыхал. Надо же взглянуть, кто там похоронен. Я обернулась, а когда вновь посмотрела на Шменге, он оказался прямо передо мной.

Я кокетливо улыбнулась, будто вдруг решила пофлиртовать со свистящим коротышкой. Поправила прическу, ненароком перебросив пряди вперед и прикрыв по возможности шею. Без ложной скромности, волосы у меня хорошие, густые. Если Шменге решит меня укусить, то у него будет полный рот волос.

— А как ваше самочувствие? — он протянул руку, чтобы пощупать мой лоб, и я отпрыгнула назад, едва не споткнувшись об Жозефину.

— Вы что, боитесь меня, Кас-с-сандра? — спросил доктор, прищурив глаза.

Могильный холмик оказался совсем близко, но луну как на зло затянуло облаком.

— А вы? Чего боитесь вы, доктор Шменге?

Я могла предложить три варианта на выбор: солнце, серебро, осиновый кол.

Шменге вздохнул, поглядел на звезды с тоской.

— Даже не знаю, что вам ответить, милая девушка. Раньше я боялся одиночества, но теперь смирился с ним. В некоей степени.

— Отчего же не заведете друзей?

Шменге почесал нос, и мне показалось, его ногти удлинились.

— Не могу найти друга со схожими интересами.

Облако проплыло, луна вновь залила кладбище мертвенным светом.

— Тогда хоть собачку, — предложила я, делая еще пару шагов к могилке. Обернулась — и буквы заплясали перед глазами, складываясь в имя.

— Собаки меня не любят.

— Еще один вопрос, если можно, — пробормо-

тала я. — Просто для ясности.

— Да куда уж яснее, — произнес доктор Шменге, а я вдруг осознала некую неправильность: он больше не свистел!

— Доктор Шменге, — я сглотнула от волнения. — Вы — упырь?

Он улыбнулся, и стало заметно, что щель между передними зубами закрылась, а клыки выросли вширь и вытянулись на добрый сантиметр.

Жозефина, которая прежде дрожала и пряталась за моими ногами, вдруг вышла вперед и зарычала. Я и не знала, что она так умеет! В этом клокочущем утробном реве были гнев и ярость, и обещание скорой и жестокой смерти. Курчавая шерсть на ее холке встала дыбом, во всей позе читалась угроза. Не лабодудель, а дикий зверь!

— Придержите пес-с-сика! — попросил доктор Шменге, быстро шаря за пазухой и вытаскивая какой-то медальон. — Я хороший вампир! У меня и доказательство ес-сть!

* * *

Доктор снял с шеи круглую блестяшку, слабо переливающуюся в свете луны, и медленно положил ее на могильный холмик. Подняв руки, отошел.

Жозефина все еще глухо рычала, вздернув верхнюю губу и словно меряясь с упырем клыками, и я с подозрением уточнила:

— А зубки? Отчего тогда вылезли, если вы весь такой правильный и хороший?

— Порыв, — вздохнул Шменге. — Рефлекс-с. Но я его поборол. Лунная ночь, кладбище, прекрас-сная дева — идеальная с-ситуация для кровопус-скания.

Теперь он снова посвистывал: клыки втянулись, а передние зубы разошлись. Швырнуть бы в него Кулькасом, но сможет ли тогда вампир говорить? Об этом в учебнике не было ни слова. Видимо, разговоры с упырями никого не интересуют. Кроме меня.

Держа пальцы левой руки в боевом заклятии, я присела, подняла кругляш правой и поднесла к глазам. Луна щедро плеснула на медальон светом, и я прочитала:

— Благонадежный вампир. Доктор Шменге. Ну, знаете…

— На обратной стороне еще, — торопливо подсказал он.

Быстро глянув на доктора, я перевернула медальон. Там был знак академии жизни и смерти и чеканка подписи ректора, переливающаяся

золотом магической энергии. А сам медальон, кажется, из серебра.

— Кожа от него так и жжется, — пожаловался Шменге. — Но, в целом, терпимо. Как и вся моя жизнь. Если это можно назвать жизнью, конечно. Так-то я фактически мертв.

На мраморном памятнике значилось «Паулюс Шменге, возлюбленный муж и отец». И, судя по датам, скончался он уже почти два столетия тому назад.

— Я ушел на кладбище как раз за тем, чтобы обезопас-сить от своей персоны кого бы то ни было. Полнолуние — такое время, когда прос-сыпается темная сторона моей натуры. С-сложно себя контролировать. А здесь, на могиле, я вс-споминаю о том, что все еще человек.

На всякий случай я подняла руку с заклятием, которое искрило и кололо мне пальцы.

— Зачем ректору брать на работу вампира?

— Мы с ним родня, — признался Шменге. — Берти мой пра-пра-пра… В общем, внучек. В с-свою защиту могу также добавить, что в академии жизни и смерти много лет не погибали студенты. Последний раз — тридцать четыре года назад. Несчастный случай. Утопление. В дневное время с-суток. Я ни при чем.

— Однако кровь студентов вы пьете.

Шменге виновато улыбнулся.

— С-совсем чуточку. И к взаимной пользе. По вкусу крови я могу поставить абсолютно точный диагноз, определить нехватку витаминов и полезных веществ, подобрать лечение и разработать оптимальную диету. Индивидуальный подход. Я набираю кровь с помощью шприца, что полностью исключает возможность заражения.

Все шло не по плану. Вот передо мной вурдалак. Теперь — вне всяких сомнений. Я должна его обезвредить, позвать кого-то, хоть даже Гроува, а потом уже разбираться… Но что-то мешало. Может, медальон, выданный ректором. А может, полосатый шарфик, которым доктор заботливо укутал скелет. Или книжица про сердечную боль. Или то, как он лежал тут, на собственной могилке, совсем один.

— Ладно, — сказала я и, вздохнув, опустила руку. По привычке погладила мягкую шерстку Жозефины, которая тоже успокоилась и спрятала зубы. — Но если бы, допустим, кто-то на вас напал. Вы бы защищались, не так ли? Вы могли бы убить…

Кто-то ведь прикончил Гроува. Кто, если не доктор?

— К чему эти расспросы? — нахмурился Шменге. — Знаете, Кэс-с-си, вы и в прошлый раз показались мне подозрительной. То расспрашивали про места силы, то где хранить трупы. Что вы задумали? Я умею с-слушать. Я помогу не наделать ошибок. Я…

Не знаю, что еще хотел предложить доктор. Внезапный порыв ветра взметнул мои волосы, луна прикрылась облаком, будто не желая смотреть, все вокруг потемнело, а следом тишину кладбища разорвал дикий вой. Волосы встали дыбом, а Жозефина прижалась к ногам, но рев оборвался, а мое сердце застучало оглушительно громко.

По-хорошему, мне бы спрятаться, переждать, и все инстинкты вопили о том, что надо держаться подальше от источника страшного звука. Но я кинулась к нему со всех ног. Я огибала памятники и могилки, чуть не грохнулась, споткнувшись о растрескавшуюся плиту, скользнула в дыру в оградке, обломав пару веток боярышника. Я знала, куда бежать, но оказалась там слишком поздно.

Выдранные прутья ограды. Пропаханная земля. Темные брызги крови.

— Мертв, — сообщил доктор Шменге. Он очу-

тился здесь раньше меня и теперь деликатно прикрыл распростертое тело собственным пиджаком. — Вам не стоит смотреть, Кэсси.

Но я смотрела. Я знала эти безупречно выглаженные брюки, начищенные ботинки и помнила тонкий запах духов, к которому теперь примешивалось нечто страшное, неправильное.

— Мастер Гроув, — прошептала я и быстро прикрыла рот рукой, как будто имя, вырвавшееся из моего рта, поставило точку.

* * *

Он лежал под открытым небом, и луна омывала его серебром, а кровь медленно растекалась глянцевой лужицей. Это снова случилось.

— Как же я зла, — протянула я.

Жозефина подбежала ко мне, поднырнула под руку шелковистой башкой, обеспокоенно заглянула в лицо. Доктор Шменге тоже посмотрел на меня, хмуря тонкие брови.

— Я ведь ему говорила! — воскликнула я, воздев руки к небу и призывая в свидетели звезды. — Сто раз! Я твердила одно и то же, надеясь, что до него дойдет. Что он будет осторожнее. Что ему хватит мозгов остаться дома!

— Вы, простите, о трупе? — уточнил Шменге.

Я едва сдержалась, чтобы не пнуть Гроува ногой. Какой же болван!

— О ком же еще!

— А вы, Кэсси, как-то причастны к его смерти? — невинно предположил доктор.

Я горько усмехнулась.

— Похоже на то? Я была с вами в момент убийства, забыли?

— Неплохое алиби, — покивал доктор. — Особенно если у вас есть соучастник. Поймите меня правильно, Кэсси. Сперва вы являетесь ко мне по явно надуманному поводу. Расспрашиваете о местах силы и о том, куда прятать трупы. У вас и мотивчик имеется — месть. Мастер Гроув не поставил зачет, поглумился над вами — вы упоминали предвзятое отношение. И вот он лежит совершенно мертвый на том самом месте силы, а я, связанный тайной, обязан вас покрывать.

— Вы читаете слишком много романов, — осадила я доктора. — Я ни при чем. Я понятия не имею, кто его грохнул! Могу поклясться хоть собственной жизнью!

Жозефина тихонько заскулила, вновь заглядывая мне в глаза.

— Значит, мы оба попали в затруднительную ситуацию, — скорбно произнес доктор. — Как

насчет сделки, Кэсси?

— Вы опять не свистите, — сердито заметила я. — Ваш дефект дикции исчез, и это настораживает.

Доктор Шменге облизнул выступившие клыки.

— Это все запах крови, — коротко пояснил он и посмотрел на меня плотоядно. Прямо как Жозефина на пирожок без всякого лука.

— Я не поняла про сделку, — вернула я его к теме беседы. — У нас с вами алиби.

— Но куда лучше для нас обоих вовсе не фигурировать в деле, — заметил доктор Шменге. — Вы даже не представляете, с какой предвзятостью может столкнуться добропорядочная нежить вроде меня! Думаете, кто-то станет искать настоящего убийцу, если рядом ходит вампир?

Я покивала, признавая некую справедливость его слов.

— Мы скажем, что это был несчастный случай, — преувеличенно бодро сказал Шменге. — Какой-то мертвяк пробудился, и Гроуву не повезло. Отвлекся на красивую луну, не отреагировал вовремя. Так и запишем. Не бойтесь, Кэсси, полиция не заинтересуется этим делом. Я составлю бумаги — комар носа не подточит.

— И никто сюда не приедет, — поняла я. — Ни-

кто не узнает, что вы — вампир. И ваш внучок Берти, то есть ректор академии Альберт Форест, не столкнется с проблемами. Так? Вы поэтому написали, что это сделал обычный зомбяк?

— Ну, я пока ничего не написал, — стушевался доктор. — Но нам обоим это выгодно, Кэсси. Подумайте. Вы станете подозреваемой. Вас обвинят. Вас отвезут в управу и станут допрашивать.

Я покачала головой. Не будет меня никто допрашивать. И никакой это не несчастный случай. Мастер Гроув умер второй раз, на том же месте и в то же время. Это убийство. Целенаправленное, злонамеренное, жестокое убийство. И я этого так не оставлю.

— Вы можете сказать что-нибудь по поводу улик? — спросила я. — Причина смерти?

Надо думать и действовать хладнокровно. Собрать как можно больше информации. По отглаженной штанине Гроува пополз жук, расправил крылышки и перелетел на носок ботинка, и я быстро отвела взгляд, посмотрев на ночное небо.

— Ну, причина ясна — у него вырвано сердце…

Звезды вдруг заплясали, повели хоровод вокруг круглой луны, земля покачнулась, словно ее выдернули у меня из-под ног.

— Я все улажу, Кэс-с-си, — успокаивающе бормотал доктор Шменге, и, придя в чувство, я осознала, что мы с вампиром идем под ручку, как две кумушки. — А вы отдохните, выс-спитесь. Завтра зайдете ко мне, возьмем анализы, я пропишу вам витамины. И с-с-собачку вашу посмотрим…

Жозефина взяла в зубы оброненный мной поводок, сунула его мне в руку, а потом прибавила ходу, потащив меня за собой.

— А мастеру Грouву все равно уже не помочь! — выкрикнул нам в спины Шменге. — Хороший был человек, наверное, раз вы так переживаете. Может, он еще явится! Призраком!

Этого мне только не хватало. Я на миг представила призрак мастера Грouва, который станет являться мне и винить в своей смерти, а заодно в несданном зачете, и поежилась.

— Ты в порядке? — заботливо спросила Жозефина, когда мы отошли от Шменге подальше.

— В норме, — буркнула я.

— Так себе из нас боевики, — вздохнула собака.

— Из меня так точно, — кивнула я. — А вот ты молодец: ух, как зарычала на Шменге, а ведь боишься докторов! У тебя нет в роду волкодавов?

— Разве что в очень дальнем родстве, — ответила Жозефина. — Но мы выяснили, что Шменге

и правда упырь, а значит, не всамделишный доктор, так что некого там бояться.

Какое-то время мы шли молча. Я размышляла о странностях собачьей логики, а о чем думала Жозефина — мне неизвестно.

— Значит, Гроув тебе нравился? — с сочувствием спросила она, взбегая по ступенькам крыльца.

— Я его терпеть не могу, — чистосердечно призналась я. — Он самовлюбленный упертый баран. И преподаватель из него отвратительный. Решил, что не пустит меня в боевики — и хоть ты тресни! И ведь я ему говорила: не ходите к кладбищу, мастер Гроув! А он нацепил костюмчик, надушился, расчесался и… знаешь, ты иди спать, а я кое-куда загляну, — закончила я, открыв дверь Жозефине.

Она по инерции пробежала внутрь, обернулась, но я уже захлопнула дверь, отрезая возможные вопросы. Потому что сама не знала, как на них отвечать.

По идее, куда проще было бы пойти к колесу утром, на рассвете, когда стражи некроса, оберегающие хранилище артефактов, растворятся в первом луче солнца. С другой стороны, будет повод проверить плетения Кулькаса в деле, раз уж так вышло, что Шменге — благонадежный вам-

пир. А я все равно не смогу уснуть, зная, что где-то там по ботинкам мастера Гроува ползает жук.

Луна равнодушно сияла, хладные звезды мерцали бриллиантовой пылью. Хранилище артефактов вырастало вдали: ровные колонны, купол, лепнина. Немного похоже на склеп, и самое интересное спрятано под землей.

Просто поверну колесо времени снова. Сдам зачет, поставлю на Хромулю. Выясню отношения с Кайлом и узнаю, отчего Шерри так настойчиво толкала меня к нему. А главное — спасу жизнь мастеру Гроуву. И пусть только посмеет умереть еще раз!

--

Конец первой серии)